

9/18/18
312

СОВЕТОВ
СИБИРИ
ПРОТЕ
НА
С

9/С/8/

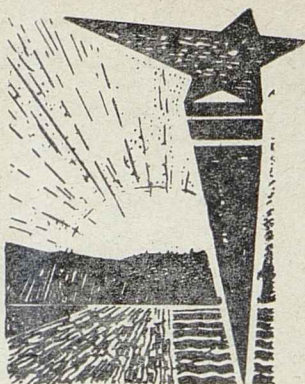
№ 11997

9/С/18/21

312

3-12

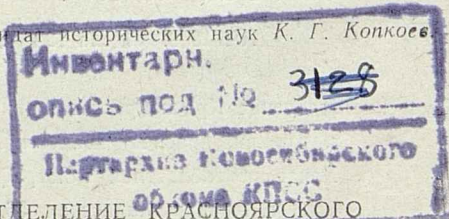
**ЗНА
ВЛАСТЬ
СОВЕТОВ
НА ЮГЕ СИБИРИ**

Воспоминания участников гражданской войны
в Минусинском уезде Енисейской губернии

Составитель кандидат исторических наук К. Г. Копкоев

ХАКАССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ КРАСНОЯРСКОГО
КНИЖНОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА, АБАКАН — 1968

Коллектив авторов

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ НА ЮГЕ СИБИРИ.

Под редакцией доцента *В. К. Логвинова.*

Редактор *Н. С. Чемезов.* Худ. редактор *В. А. Тодыков.*

Тех. редактор *А. А. Самрина.* Корректор *М. Е. Шоева.*

Сдано в набор 20 января. Подписано к печати 29 февраля 1968 г.

Формат бумаги 60×84¹/₁₆. Печ. л. 7¹/₂
Уч.-изд., л. 6,07. Заказ 307. Тираж 2000 экз.

АЧ01093. Цена 43 коп.

Хакасское отделение Красноярского книжного издательства

г. Абакан, проспект им. Ленина, 84.

Хакасская областная типография.

г. Абакан, Хакасская, 56.

ВВЕДЕНИЕ

«Ту Россию, которая освободилась, которая за два года выстрадала свою советскую революцию, эту Россию мы будем защищать до последней капли крови!» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 182).

Борьба советского народа под руководством Коммунистической партии против иностранных интервентов и колчаковщины представляет немеркнущие страницы нашей истории.

В Постановлении ЦК КПСС от 4 января 1967 года «О подготовке к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции» говорится: «В дни Октября, в годы гражданской войны и иностранной интервенции с особой силой проявился высокий революционный дух и героизм рабочего класса, трудящегося крестьянства. Советская республика, подобно острову, была окружена океаном враждебных сил, враги предрекали ей неминуемую и скорую гибель. Они все делали для того, чтобы задушить и уничтожить молодую Советскую республику. Потребовались огромные усилия, чтобы разорвать огненное кольцо белогвардейцев и интервентов, преодолеть экономическую блокаду, голод и хозяйственную разруху. Под руководством Коммунистической партии рабочие и крестьяне, Красная Армия отстояли завоевания революции, разгромили врагов. Страна приступила к хозяйственному строительству»¹.

Борьба трудящихся Енисейской губернии за власть Советов была составной частью общероссийской борьбы пролетариата и трудового крестьянства под руководством Коммунистической партии. С этих позиций коммунисты губернии подходили к оценке всех событий в стране и на местах. Во всей своей деятельности они руководствовались указаниями В. И. Ленина, ре-

¹ Газета «Правда», 8 января 1967 г.

шениями VIII съезда партии, директивами Центрального Комитета партии и постановлениями общесибирских партийных конференций.

Главной общественной силой в борьбе против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции за восстановление Советской власти являлся военно-политический союз рабочего класса с крестьянством. Он сложился и окреп на прочной идейной, политической и экономической основах.

В Сибири, в том числе в Енисейской губернии, военно-политический союз рабочих и крестьян имел ряд специфических особенностей. Он состоял в том, что в крестьянской Сибири малочисленный рабочий класс не мог рассчитывать на успех в борьбе с колчаковщиной без активной поддержки трудового крестьянства. При этом нельзя не учитывать, что к началу чехо-белогвардейского мятежа социалистическая революция в сибирской деревне не успела еще развернуться: кулацкое землевладение оставалось почти не тронутым. Слабо организованная деревенская беднота не в силах была обуздать кулачество. Кроме того, сибирские крестьяне, как отмечал В. И. Ленин, «крепостного права не знали. Это — самые сытые крестьяне»¹. В. И. Ленин говорил, что Советская власть не могла «дать крестьянам в Сибири того, что дала им революция в России. В Сибири крестьянство не получило помещичьей земли, потому что там ее не было, и потому им легче было поверить белогвардейцам».²

Эта ленинская характеристика сибирского крестьянства полностью относится к крестьянству Енисейской губернии и подтверждается его социальным составом. По данным Енисейского губкома РКП (б) от 3 августа 1921 года, классовый состав сельского населения определялся так: кулаков до 15 процентов; середняков — 50—60 процентов, бедняков — 25—35 процентов.³

Об этом же свидетельствует 339 анкет по Енисейской губернии, заполненных в 1919 году. Анкеты пока-

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 39, стр. 40.

² В. И. Ленин. ПСС, т. 39, стр. 299.

³ Красноярский краевой партийный архив, ф. 1. оп. 1, д. 154, л. 7.

зали, что почти 61 процент опрошенных крестьян имели от 3 до 15 десятин посева.¹

Что касается Минусинского уезда, то здесь число кулаков было еще больше, чем в среднем по губернии. Кроме того, в этом уезде имелось много казачьих зажиточных станиц.

В силу всех этих обстоятельств основные середняцкие массы Сибири под влиянием эсеров не выступили в первые дни контрреволюционного мятежа на защиту Советской власти, не поддержали пролетариат. Особенно сильные колебания середняка и контрреволюционная роль кулачества во главе с эсерами проявились в Минусинском уезде.

В последующее время лучшей школой для крестьян явилась сама жизнь, сначала практика меньшевистско-эсеровской власти, а затем колчаковщина. Она многому их научила. Средний крестьянин на собственном опыте проверил и сопоставил две диктатуры: буржуазно-кулацкую и пролетарскую — и сделал выбор в пользу диктатуры пролетариата. «Без Колчака, — говорил В. И. Ленин, — сибирский крестьянин не пришел бы в один год к убеждению, что ему нужна наша, рабочая власть. Только тяжелый опыт этого года убедил его в этом».² 24 октября 1919 года, в речи перед слушателями Свердловского университета, отправлявшимися на фронт, В. И. Ленин отмечал, что в тылу Колчака «несомненный развал, а население восстает против него поголовно».³

Опираясь на интервентов, сибирскую буржуазию, кулачество и контрреволюционную военщину, Колчак осуществлял помещичье-буржуазную диктатуру. В. И. Ленин указывал, что «Колчак — это представитель диктатуры самой эксплуататорской, хищнической диктатуры помещиков и капиталистов, хуже царской».⁴

Характеризуя освободительную борьбу трудящихся Сибири против колчаковщины, В. И. Ленин не смешивал партизанское движение с «партизанщиной», тре-

¹ «Сборник Сибирского статуправления», т. 2, вып. 7, Ново-Николаевск, 1932, стр. 2.

² В. И. Ленин. ПСС, т. 39, стр. 87.

³ В. И. Ленин. ПСС, т. 39, стр. 241.

⁴ В. И. Ленин. ПСС, т. 39, стр. 397.

бывал помочь сибирским рабочим и крестьянам довести «до полной победы революции в Сибири».¹ Подчеркивая значение революции в Сибири, он говорил: «...вот почему Красной Армии так легко удалось в столь небольшой промежуток времени захватить всю Сибирь, ибо теперь сами сибирские рабочие и крестьяне шли на помощь Красной Армии».²

В захваченных районах Сибири белогвардейцы восстановили порядки и законы, действовавшие во времена царизма. Возродили старые суды и органы прокуратуры, полицию, которую только для видимости стали называть милицией, снова учредили земские управы и городские думы.

Экономическая политика колчаковского правительства заключалась в поощрении деятельности частных промышленных предприятий, проведение свободы торговли для обогащения купцов и кулаков, тяжёлого налогового гнета, многочисленных трудовых повинностей, принудительного изъятия у крестьян лошадей, хлеба и сельскохозяйственных продуктов для армии.

Еще до Колчака Временное сибирское правительство возвратило бывшим владельцам национализированные Советской властью фабрики, заводы, рудники, золотые прииски и различного рода промыслы. Денационализация промышленности привела к восстановлению частной собственности на орудия и средства производства, к возрождению класса капиталистов.

В начале июля 1918 года Временное сибирское правительство приняло закон о возвращении крупным земельным собственникам и кулакам национализированные Советской властью земли. Так в Минусинском уезде владелице Серебрянниковой вернули земельные участки: «Попадьин остров», «Дикий», «Селиванова заимка».³

Повсюду началось выколачивание налогов и недомок за 1914—1917 годы. Огромные средства расходовались на содержание колчаковской армии и военно-буржуазного аппарата, на финансирование частных

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 39, стр. 54.

² В. И. Ленин. ПСС, т. 39, стр. 177.

³ Газета «Труд», 18(5) февраля 1919 года.

предпринимателей и спекулянтов. Это подорвало денежное обращение, привело к резкому снижению курса рубля. Только за второе полугодие 1918 года при доходе в 300 млн. рублей расходы колчаковского правительства достигли одного миллиарда рублей.¹

Временное сибирское правительство, и особенно Колчак, остро нуждались в людских резервах для пополнения белой армии. В связи с этим была объявлена мобилизация рабочей и крестьянской молодёжи рождения 1898—1899 годов. В. И. Ленин отмечал: «...чем дальше шли бои, тем больше редели ряды офицеров и сознательного кулачества, которые составляли главную силу Колчака, и тем больше ему приходилось брать рабочих и крестьян».²

В довершение к политическому и экономическому гнёту, массовой мобилизации в армию мужского населения Колчак установил режим кровавого террора. Этим он хотел сломить революционный дух рабочих и крестьян, заставить их подчиняться русским и иностранным капиталистам, отказаться от вооруженной борьбы за свою свободу и независимость.

Такая антинародная политика и террор колчаковского правительства вызвали решительное сопротивление трудящихся Сибири. В деревнях повсеместно применялись продовольственные бойкоты, массовые невки рекрутов на колчаковские призывные пункты. Крестьяне отказывались давать белогвардейцам лошадей, прятали от них хлеб и скот. Так, крестьяне села Субботино Минусинского уезда записали в резолюции схода: «Ввиду того, что наших детей... посылают на фронт против рабочих и крестьян России, что война им не нужна для защиты буржуев и капиталистов — солдат не давать. Вместе с этим, принимая во внимание, что правительство не отражает воли трудящихся и эксплуатируемых, что он не защищает их интересы — таковое не признавать».³

¹ «Известия и труды сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт», 17 апреля 1919 года, стр. 28.

² В. И. Ленин. ПСС, т. 39, стр. 244.

³ К. Гидлевский, М. Сафьянов, К. Трегубенков. Минусинская коммуна 1917—1918 гг. Из истории Октябрьской революции в Сибири, М.-Л., 1934, стр. 205.

В городах и рабочих посёлках осуществлялись диверсионные акты, на промышленных предприятиях и в железнодорожных депо ширилось забастовочное движение.

Все эти формы классовой борьбы перерастали в рабочие восстания, восстания воинских частей, широкое партизанское движение.

Поворот среднего крестьянства Сибири в сторону активной поддержки Советской власти начался с осени 1918 года. Уже в сентябре крестьяне Большемуртинской волости Красноярского уезда сместили председателя земской управы и посадили его в каталажку за то, что он пытался запретить употреблять слово «товарищ» и притеснял крестьян. В конце октября в Перовской, Вершино-Рыбинской и Степно-Баджейской волостях началось вооружённое сопротивление крестьян властям Омского меньшевистско-эсеровского правительства.¹ Примером такого поворота явилось массовое восстание крестьян Минусинского уезда в ноябре 1918 года.²

В такой обстановке для сплочения большевистских сил Сибири и усиления партийной работы в массах большое значение имели общесибирские конференции подпольных организаций РКП(б).

Первая из них проходила с 18 по 22 августа 1918 года в Томске. Среди десяти ее участников был и представитель Енисейской губернской партийной организации. В центре внимания конференции стояли вопросы о текущем моменте и тактике большевиков в связи с временной победой контрреволюции. В резолюции по текущему моменту говорилось: «Вооружённое восстание рабочих и солдатских масс в городах и крестьян в деревне, проводимое в сибирском масштабе — такова ближайшая задача партии в Сибири».³

¹ «Документы героической борьбы. Сборник документальных материалов, посвященных борьбе против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918—1920 гг.)». Красноярск, 1959, документ № 33.

² Там же, документы №№ 34, 35, 36, 37.

³ «Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.)», Новосибирск, 1959, стр. 8.

В соответствии с этим Красноярский губернский подпольный комитет большевиков в сентябре 1918 года выпустил листовку, в которой разоблачались организаторы интервенции, а население призывалось «организоваться для поддержки наступающих российских рабочих и крестьян, чтобы скорее покончить с поработителями трудового народа».¹

Тогда же, в сентябре, Красноярский комитет разослал своих представителей на места для организации рабочих и крестьянских восстаний. В Ачинский уезд выехали Е. Т. Марутко и В. А. Уланов, в Минусинский уезд — член комитета Н. В. Попов.²

Исключительную роль в развертывании борьбы против колчаковщины сыграла третья общесибирская партийная конференция, состоявшаяся в Омске 20—21 марта 1919 года. Она собралась в обстановке мощного революционного подъема трудящихся масс города и деревни, когда уже проходил крутой поворот среднего крестьянства в сторону Советской власти. Представитель Красноярского губернского комитета информировал делегатов конференции о том, что Красноярский комитет имеет свою типографию, регулярно издает листовки, держит связь с местным воинским гарнизоном и руководит партизанским движением.³

Под руководством красноярских большевиков Минусинская городская и уездная организации в нелегальных условиях проводили большую работу в массах на юге Сибири. Возникло Минусинское большевистское подполье, которое готовило рабочих и крестьян уезда к вооружённой борьбе против колчаковщины.

В состав Минусинской городской партийной организации входили члены партии с 1917 года — политические ссыльные Ян Иосифович Пшибильский, Клавдия Ивановна Адасинская и Ян Иосифович Глодик, работ-

¹ «За власть Советов. Сборник документов о борьбе за власть Советов в Енисейской губернии (март 1917 — июнь 1918 гг.)», Красноярск, 1957, стр. 292.

² Иркутский областной партийный архив, ф. 300, оп. 1 д. 743, л. 18.

³ «Колчаковщина. Сборник документов», Екатеринбург, 1924, стр. 171—176.

ник кооперации Роман Сергеевич Герасименко, рабочий пимокатной артели Илья Дорофеевич Петров, рабочие типографии Климентий и Ксения Кузнецовы и другие.¹

Ведущую организующую роль в антиколчаковской борьбе трудящихся уезда сыграли рабочие рудников Юлия и Улень, Изыхских и Черногорских угольных копей. Во главе их стояли подпольные партийные организации, в которых работали Павел Гордеевич Конопелько, Кирилл Иванович Матюх и другие.²

На Уджейском винокуренном заводе в большевистской ячейке работали М. Абрамов, П. Поляков, Цапусов и рабочий Красноярских железнодорожных мастерских И. Иванцов.³

На рост сознательности и активности рабочих и крестьян уезда несомненно оказала влияние пропагандистская деятельность члена губкома партии Я. Е. Бограда. В июне 1918 года он посетил рудники Улень и Юлия, провел несколько собраний рабочих, разъяснил им сущность чехо-белогвардейского переворота и призвал к смелой решительной борьбе за восстановление Советской власти. Об этом белогвардейская газета «Минусинский край» в июне 1919 года писала так: «Яков Боград летом прошлого года пытался организовать на рудниках восстание рабочих против Минусинска уже тогда, когда большевики были свергнуты».

Шахтёры Черногорска за несколько дней до мятежа в резолюции собрания выразили «свою непреклонную решимость защищать Советскую власть от всяких подкопов извне и изнутри, всеми средствами, имеющимися в распоряжении черногорских рабочих».⁴

Во многих деревнях и селах Минусинского уезда были созданы нелегальные партийные организации и группы, в которые кроме коммунистов входили сочувствующие им революционно настроенные рабочие и крестьяне.

¹ Минусинский государственный музей им. Н. М. Мартянова, ф. 1-а, д. 124. См. воспоминание коммуниста В. Терехович, написанное в 1927 году.

² «Каторга и ссылка», № 7(36), М., 1927, стр. 139.

³ Новосибирский областной партийный архив, ф. 5, оп. 2, д. 1961, л. 10.

⁴ К. Гидлевский, М. Сафьянов, К. Трегубенков. Минусинская коммуна, стр. 185.

В Ново-Михайловской волости партийно-агитационную работу вел член Минусинского уездного Совета Д. А. Гапченко, в Бейской волости — член Енисейского губернского Совета К. Лебедев, в селе Дубенском — бывший политкаторжанин, кузнец С. О. Кульчицкий и другие.

До падения Советской власти во главе Минусинского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов стояла большая группа идейно закаленных, опытных коммунистов в лице К. Е. Трегубенкова, А. И. Плотникова, К. Гидлевского, К. И. Адасинской и других. Находясь в минусинской тюрьме с июня 1918 года, они отсюда установили связи с товарищами, ушедшими в подполье, и оказывали им помощь практическими советами.

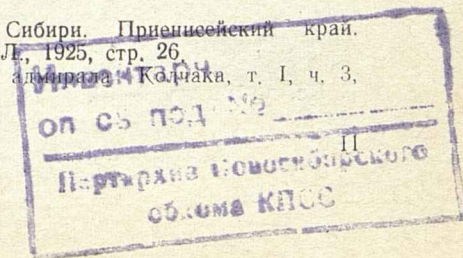
Вследствие антинародной политики Временного сибирского правительства и колчаковщины, под влиянием агитации большевиков и при их активном участии вспыхнуло минусинское крестьянское восстание. За несколько дней восстание охватило 19 из 35 волостей уезда. К 14 ноября повстанцы сформировали 10 крупных отрядов, называемых «армиями», общей численностью до 10 тысяч человек.¹ Руководили восстанием командующий С. О. Кульчицкий и начальник Главного штаба В. И. Ощепков.

Минусинский военный гарнизон составлял 957 солдат и офицеров во главе с генерал-майором Шильниковым. Кроме того, активно действовала казачья дружина в количестве 250 человек.²

После поражения под Минусинском и селом Городок восстание резко пошло на убыль. Крестьяне стали массами расходиться по деревням. Организаторов и руководителей восстания С. О. Кульчицкого, В. И. Ощепкова, Р. С. Герасименко, А. Д. Гапченко арестовали и после зверских пыток расстреляли. По делу о минусинском восстании привлекали 770 человек, из них 160 отдали военно-полевому суду, 182 заключили в тюрьму, на остальных наложили штраф. 12 февраля 1919 года в Ми-

¹ «Партизанское движение в Сибири. Приенисейский край. Сборник документов», т. I, ч. I, М.-Л., 1925, стр. 26.

² С. П. Мельгунов. Трагедия албарака Калчака, т. I, ч. 3, стр. 192.

нусинске военно-полевой суд вынес 87 смертных приговоров, шесть человек осудил на бессрочную и 44 — на двадцатипятилетнюю каторгу.¹ Число погибших без суда насчитывается еще больше. Так, в селе Черемушки каратели казнили 23 человека, в Верхнем Суеутке — 20, Нижнем Суеутке — 11, в Дубенском — 12. Много участников восстания колчаковцы расстреляли и в других селах.²

Минусинское восстание потерпело поражение, во-первых, потому что среднее крестьянство к этому времени еще не было готово для решительной и последовательной борьбы за восстановление Советской власти, во-вторых, в ходе подготовки восстания элементы стихийности взяли верх, поэтому минусинские большевики не сумели хорошо его организовать и вооружить.

Несмотря на поражение, восстание сыграло важную роль в дальнейшей освободительной борьбе трудящихся Енисейской губернии и всей Сибири. Оно усилило процесс революционизирования крестьянства и многому его научило.

Минусинская уездная организация большевиков, понеся большие потери, значительно ослабла. Но оставшиеся на свободе и вышедшие из тюрьмы коммунисты не пали духом. Они снова стали собирать силы, возобновили революционную работу в массах рабочих и крестьян, готовя их к новым боям.

Осенью 1919 года партизанская армия Минусинского фронта, в которую влились местные отряды, под общим командованием А. Д. Кравченко и П. Е. Щеткина успешно завершила освободительную борьбу трудящихся на юге Сибири.

Героическая борьба трудящихся Енисейской губернии в годы гражданской войны уже широко освещена в краеведческой литературе. Историки Красноярского края подготовили и опубликовали два сборника документов, пять сборников воспоминаний участников большевистского подполья и партизанского движения, ряд

¹ «Партизанское движение в Сибири», стр. 32—33.

² Минусинский государственный музей им. Н. М. Мартынова, ф. I-а, д. 124, лл. 6—64.

статей в «Учёных записках» институтов, журналах и газетах.¹

Настоящая книга «За власть Советов на юге Сибири» представляет ещё один сборник воспоминаний участников большевистского подполья и партизанского движения. Все воспоминания публикуются впервые. В дополнение к прежним они живо воспроизводят картину самоотверженной борьбы трудящихся бывшего Минусинского уезда и Хакасии против Временного сибирского правительства, интервентов и колчаковщины.

В воспоминаниях Е. Л. Фаерман и И. Д. Кныш рассказывается о последнем периоде революционной деятельности Минусинского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в мае-июне 1918 года.

Деятельность Минусинского уездного Совета проходила в сложной военно-политической обстановке, в условиях начавшейся военной интервенции и активных выступлений сил внутренней контрреволюции. Как уже отмечалось выше, удельный вес крепкого среднего крестьянства и кулачества в Минусинском уезде составлял значительно больше, чем в других уездах губернии. Кроме того, население казачьих станиц в первое время после Октябрьской революции недоброжелательно относилось к Советской власти. Отрицательно сказались также малочисленность рабочих в уезде, отдаленность

¹ См. «За власть Советов. Сборник документов о борьбе за власть Советов в Енисейской губернии (март 1917—июнь 1918 гг.)». Красноярск, 1957; «Документы героической борьбы. Сборник документальных материалов, посвященных борьбе против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918—1920 гг.)», Красноярск, 1959; «Незабываемое. Воспоминания участников революционных событий в крае в 1917—1920 гг.», Красноярск, 1957; «Этих дней не смолкнет слава. Воспоминания участников партизанского движения в Красноярском крае», Красноярск, 1957; «Годы огневые. Сборник воспоминаний участников красноярского большевистского подполья и партизанского движения Енисейской губернии в борьбе за власть Советов (1918—1920 гг.)», Красноярск, 1962; «Воспоминания участников гражданской войны в Минусинском уезде», Абакан, 1957; «Борьба за власть Советов в Хакасии (1917—1923 гг.)», Абакан, 1961. В периодических изданиях опубликованы работы кандидатов исторических наук В. К. Логвинова, Г. А. Васильева, А. Н. Устинова, Ю. В. Журо́ва и других авторов.

и в последнее время изолированность Минусинска от Красноярска и других промышленных центров Сибири, слабая связь Минусинской партийной организации с большевистскими подпольными комитетами Красноярска.

Авторы воспоминаний на конкретных фактах убедительно подтверждают ленинский анализ природы сибирского крестьянства как «самого сытого крестьянства», причин его колебания и контрреволюционной роли кулачества во главе с эсерами. Правильно отмечается, что созыв VII уездного съезда Советов в сложившейся обстановке, спустя лишь три недели после предыдущего съезда, был ошибочным со стороны руководителей уездного Совета. Конечно, Совет не мог за такое время тщательно его подготовить, обеспечить выборы делегатов на местах от бедноты и середняков, в результате чего кулаки и эсеры овладели съездом и диктовали ему свою волю. В условиях, когда Советская власть пала в Красноярске и во всей Сибири, временное торжество контрреволюции и в Минусинском уезде вполне объяснимо.

Воспоминания Е. И. Чайковской - Гидлевской, П. Г. Конопелько посвящены большевистскому подполью в Минусинском уезде в 1918—1919 годы. Из этих статей встает перед нами картина мужественной, героической борьбы старшего поколения подпольщиков-большевиков против колчаковской реакции. В них много интересных фактов и имен, неизвестных до сих пор в краеведческой литературе.

Воспоминания участников большевистского подполья доносят до нас суровое время колчаковского лихолетья и в то же время твердую, непоколебимую веру подпольщиков в торжество великого дела партии и народа.

Далее в сборнике речь идет о вооруженной борьбе рабочих, красногвардейцев и крестьян за восстановление Советской власти в Минусинском уезде и Хакасии. Авторы этих воспоминаний рассказывают о руководящей роли коммунистов в создании партизанских отрядов и освобождении от колчаковцев южных районов губернии, о боевых действиях частей особого назначе-

ния и советской милиции против бандитизма в 1920—1923 годах.

Борьба рабочих за власть Советов на рудниках Юлия, Улень, Богомдарованный и приисках Саралы хорошо прослеживается в воспоминаниях Е. С. Ольшевского, Ф. Е. Ананьева и А. Е. Ковригина. В них говорится о деятельности Советов рабочих депутатов до падения Советской власти, о том, как рабочие, прогнав прежних хозяев рудников и сломив саботаж старой администрации, взяли предприятия в свои руки и стали ими управлять. В период VII-го уездного съезда рабочие полностью поддерживали Минусинский Совет и для его защиты послали свои красногвардейские отряды.

Значительный интерес представляет большая статья И. К. Лабецкого «Боевой путь партизанской армии Кравченко—Шетинкина». Она воссоздает цельную картину боевых действий этой армии на юге Енисейской губернии. Хотя основные события И. К. Лабецким описаны на базе ранее опубликованных источников, читатель найдет в них много новых фактов и интересных деталей. И. К. Лабецкий, являясь командиром батальона Северо-Ачинского полка, естественно, в своих воспоминаниях больше уделяет внимания этому полку и его командиру П. Е. Шетинкину.

Интересны воспоминания С. Г. Шпагина об артиллерии в партизанской армии и В. Г. Солдатова о деятельности Минусинского объединенного Совета крестьянских, рабочих и партизанских депутатов в сентябре—декабре 1919 года.

Воспоминания В. С. Юмашева посвящены одному из главных руководителей Южно-Канского и Минусинского фронтов С. К. Сургуладзе.

Сергей Константинович Сургуладзе, член Коммунистической партии с 1906 года, прошел тяжелый и вместе с тем славный путь революционера. За активное участие в известном гурийском крестьянском восстании он отбывал заключение в кутаисской, батумской и одесской тюрьмах, затем был сослан на вечное поселение в Сибирь. После Февральской революции С. К. Сургуладзе работал военным комиссаром стан-

ции Камола, в период бело-чешского мятежа перешел на нелегальное положение, создал небольшой отряд и с ним влился в партизанскую армию Кравченко—Щетинкина, где бесшумно возглавлял Армейский Совет. С. К. Сургуладзе, будучи неофициальным комиссаром партизанской армии, спланировал и объединял вокруг командования коммунистическое ядро. Все в армии, от рядовых партизан до командиров, глубоко уважали и любили его, внимательно прислушивались к его замечаниям и советам.

К сожалению, об этом замечательном большевике нет пока обобщающих исследований, и в этом отношении, очерк В. С. Юмашева в некоторой степени восполняет существующий пробел, хотя в нем мало отражена организаторская деятельность Сургуладзе на посту председателя Армейского Совета, не показаны интересные особенности советского и хозяйственного строительства в Степно-Баджейской республике и Минусинском уезде, проходившего под непосредственным его руководством.

В воспоминаниях А. П. Метельского и И. В. Кокова характеризуется борьба минусинских большевиков за упрочение Советской власти на юге Сибири в 1920—1923 годах. Они освещают главным образом одну из важных сторон этой борьбы—ликвидацию бандитизма и установление революционного правопорядка на освобожденной партизанами территории.

В конце книги дается краткая хроника основных революционных событий гражданской войны в Минусинском уезде.

Подлинники опубликованных воспоминаний Е. Л. Фарман, А. П. Метельского, И. Д. Кныша, В. Г. Солдатова, Е. И. Чайковской-Гидлевской, Е. С. Ольшевского, Ф. Е. Ананьева, А. Е. Ковригина, Ф. В. Гомонова, В. Д. Королева, В. С. Юмашева, И. В. Кокова хранятся в рукописном фонде Хакасского научно-исследовательского института ЯЛИ, воспоминания П. Г. Конопелько, И. К. Лабеецкого, С. Г. Шпагина—в Красноярском краевом партийном архиве.

При подготовке к печати настоящего сборника помощь в выявлении некоторых материалов оказали

научный работник Красноярского краевого партийного архива А. П. Сливина и сотрудник Минусинского музея им. Н. М. Мартыанова, А. В. Маслов, за что им выражается сердечная благодарность.

Думаем, что книга найдет широкий круг читателей и принесет определенную пользу в пропаганде боевых и революционных традиций.

Кандидаты исторических наук
В. Логвинов, К. Копков.

5128

КУЛАЦКО-ЭСЕРОВСКИЙ МЯТЕЖ

Е. Л. ФАЕРМАН

1. Что было накануне

Весть о белогвардейско-чешском мятеже против Советской власти в мае 1918 года быстро распространилась по Минусинскому уезду. Ожили местные эсеры и меньшевики, подняла голову городская буржуазия, взялись за мобилизацию своих сил царские офицеры, зашевелились в деревнях кулаки и казаки. Вожаки правоэсеровских организации Злобина и Добров с участием попа Владимира Кузьмина перестали маскироваться и установили тесную связь с махровыми белогвардейцами Бедро, Толмачевым, Хруцким, Чибизовым.

Ярый враг Советской власти Злобина через газету «Знамя труда», которую она редактировала, стала публиковать грязные пасквили о большевиках и Минусинском уездном Совете рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Эсеровские и меньшевистские агитаторы из бывших офицеров, представители городской буржуазии и духовенства, разъезжая по всему уезду, широко

использовали крестьянские сходы. А там, где не помогала открытая агитация, пускали в ход провокационные слухи о том, что Минусинский Совет готовит красногвардейские отряды для грабежа имущих и трудовых крестьян, что минусинские большевики упаковывают казну, собираясь к побегу.

Контрреволюция начала открыто выступать против Советской власти. Черносотенец Чибизов призывал к активным действиям. Меньшевик Тульников откровенно писал: «Лучше возвращение к монархии, чем Советская власть».

Большевики Минусинского уезда в это время спешно организовывали помощь Красноярску в его борьбе с белочехами. Тревожные сведения о выступлении контрреволюции все больше нарастали. Политическая обстановка в стране, и в частности в Сибири, становилась напряженной. Это общее положение пролетарского государства сказывалось, конечно, и на деятельности Минусинского Совета. Возникло много политических и хозяйственных затруднений.

Еще до антисоветского мятежа Минусинский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов наметил 1 июня 1918 года созвать VI уездный съезд. Но у Совета на местах не хватало средств, людей и сил. Эсеры и кулаки, пользуясь финансовой поддержкой местных богатеев, прилагали все усилия к тому, чтобы захватить власть в свои руки. Десятки их агитаторов ездили по деревням и вели работу среди крестьян. На собраниях они энергично проводили угодных им делегатов, а слабо организованные бедняки и середняцкая часть деревни в значительной мере оказывались устраненными от подготовки к съезду и выборов на него делегатов.

Местные эсеры и кулаки не ограничивались контрреволюционной агитацией и распространением провокационных слухов. Они развернули большую организационную работу, «дополняли» составы волостных и сельских Советов противниками народной власти, а кое-где добивались и полного переизбрания Советов. Так, переизбрали Совет в селе Малая Минуса. Председатель этого Совета, получив задание от уездного Совдепа о выявлении излишков хлеба у кулаков, соз-

дал специальную комиссию, которая изъядала у богачей укрытый хлеб, что, конечно, им не понравилось. В это время в село приехали эсеровские агитаторы, создали сельское собрание, на котором выбрали новый Совет из кулаков. Однако председатель не сложил своих полномочий и выехал в уездный центр доложить о случившемся. Минусинский Совдеп своим распоряжением распустил кулацкий Совет.

После этого случая все чаще стали поступать сведения о переизбрании на местах неугодных кулакам Советов. Усиление контрреволюции ярко проявилось на VI уездном съезде, собравшемся 1 июня 1918 года. Минусинский Совет рассчитывал на опыт предыдущего съезда и влияние большевиков. Пятый съезд полностью был на стороне Минусинского Совета и выставил ряд боевых отрядов для подавления контрреволюционного выступления атамана Сотникова.

Теперь же большое количество делегатов съезда оказалось кулаками, значительная часть делегатов—середняками, которые в связи с началом иностранной военной интервенции и развернувшейся классовой борьбы в стране, сильно колебнулись вправо. Кулацкое лицо VI съезда не замедлило выявиться, обстановка стала напряженной.

Съезд прежде всего избрал контрреволюционный президиум в составе Бедро, Квашнина, Толмачева, Чибизова и других реакционеров и лишил права решающего голоса весь состав уездного Совета и представителей профсоюза. Вслед за этим кулаки потребовали, чтобы на съезд явились руководители городской думы, ликвидированной революцией и деятели земской управы, распущенной V-м уездным съездом. Все эти отъявленные реакционеры на VI-ом съезде получили право решающего голоса.

Большевики уезда, возглавляя Минусинский Совет и бедняцко-середняцкую часть съезда, боролись против этой вылазки, но все-таки верх взяли эсеры и кулаки. Эсеры торжествовали еще и потому, что в это время мы получили тяжелое для нас известие о падении Мариинска, Челябинска под ударами чехословацкого корпуса. Стали поступать также сведения и о первых жертвах контрреволюции. Уже не было ни-

какого сомнения в том, что кулацко-эсеровские выступления на VI-ом съезде имели прямую связь с общим положением в Сибири.

В такой обстановке требовались решительные меры. Минусинский Совет пошел на раскол съезда, чтобы отделить левую бедняцко-середняцкую часть, а кулаков изолировать. Для этого исполком Совета созвал совещание левой бедняцко-середняцкой части съезда, принявшее решение вести борьбу с кулацким большинством. На другой день от имени бедняцко-середняцкой части была оглашена декларация, в которой съезд осуждался за то, что вошел в союз с городской буржуазией и кулачеством против трудового народа. Левая часть в своей декларации заявила, что она покидает контрреволюционный съезд и созывает свой съезд, на который приглашает представителей партии большевиков и профсоюзов города. Минусинский Совет должен принять руководство новым уездным съездом и отчитаться перед ним о своей деятельности.

Такая смелая тактика минусинских большевиков явилась полной неожиданностью для эсеров и кулаков. Они почувствовали себя изолированными. Это внесло растерянность в их ряды и контрреволюционный съезд оказался не у дела.

Кулаки стали посылать парламентариев к начавшей уже работать левой части съезда и Минусинскому Совету с просьбой вернуться, и обещали даже дать членам Совета право решающего голоса в вопросах «общего характера». Но не получив ответа, эсеры и меньшевики собрали из оставшейся части съезда черносотенный митинг, куда явилась и городская буржуазия. На нем они начали произносить погромные речи против Советов. Тогда Минусинский Совет решил разогнать контрреволюционный митинг и утром, 4 июня, когда кулаки собирались к театру, все его двери оказались закрытыми, охраняемыми красногвардейцами.

Взбесившиеся кулаки и эсеры с еще большей яростью стали призывать к свержению Советской власти. Минусинский Совет своевременно принял энергичные меры для предотвращения намечавшегося контрреволюционного погрома.

Наступила горячая, боевая пора. Совет создал Воен-

но-революционный штаб, которому поручил вести решительную борьбу со всякими действиями контрреволюции. А с фронта с каждым днем поступали все более мрачные сведения о ходе борьбы с белочехами. Левая часть съезда решила прекратить свои заседания, разъехаться по местам и разъяснять массам суть происходящих событий в Сибири, а также все, что произошло на VI крестьянском съезде. Она постановила созвать 21 июня 1918 года VII съезд рабочих и крестьян Минусинского уезда.

Нужно отметить, что решение о созыве нового съезда было ошибочным, так как в период начавшейся гражданской войны Совет не мог хорошо подготовить его созыв. Со дня разгона кулацкой части VI съезда и до открытия VII съезда прошло всего лишь три недели. За это время контрреволюционные белочешские войска свергли в ряде городов Сибири Советскую власть. Уже потоками лилась кровь трудящихся, трупы коммунистов и советских активистов качались на перекладинах, тюрьмы переполнялись большевиками, рабочими и крестьянами, а мы, минусинцы, оторванные от всей страны, слабо знали сложившуюся обстановку и надеялись, что белогвардейский мятеж будет скоро подавлен.

В эти дни нас поддерживал Енисейский губернский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Он сообщил, что в Красноярске мобилизуют силы для отпора интервентам, одновременно требовал присылать отряды, оружие, седла, продовольствие.

В начале июня 1918 года председатель Минусинского уездного Совета К. Е. Трегубенков беседовал по прямому проводу с заместителем председателя Енисейского губисполкома В. П. Демидовым, который просил как можно скорее доставить в Красноярск орудие и пулеметы, обмундированных людей, послать конные отряды.

Минусинский Совет, мобилизовав все свои ресурсы, отправил в Красноярск 400 человек вооруженных красногвардейцев, последнее орудие, хлеб и другие виды продовольствия.

Основная работа Минусинского Совета в это время заключалась в формировании красногвардейских от-

рядов. Был объявлен добровольный призыв в Красную гвардию. В нее пошли прежде всего рабочие Минусинска и промышленных предприятий уезда. На защиту Советской власти поднялись крестьяне-бедняки, вернувшиеся с фронта, солдаты. Не было нехватки в людской силе, но не доставало оружия.

Много внимания уделял Совет подбору людей, изысканию оружия и продовольствия для Красноярска. Одновременно велась разъяснительная работа среди масс о происходящих событиях и необходимости борьбы с контрреволюцией. На непосредственную подготовку VII съезда сил оставалось очень мало.

Эсеры же, городская буржуазия и кулачество наводнили уезд своими агентами. Основными опорными пунктами, где эсеры развертывали свою контрреволюционную деятельность, были крупные казачьи станицы Каратуз, Таштып и другие. Казачьи станицы явились основными очагами контрреволюции. Казаки составляли ее ядро, вокруг которого собирались все, кто шел против Советов. Вооруженных контрреволюционеров поставляли, кроме казачьих станиц, некоторые таежные села, а также крупные старожильческие селения: Бейское, Шалаболино, Идринское, Абаканское.

Правозэсеровская газета «Знамя труда» нагло и цинично стала призывать к свержению Советской власти. Военно-революционный штаб закрыл эту газету и арестовал наиболее ярых ее сотрудников—контрреволюционеров Злобину, Прусака, Маравского и Матусевича. Поп Кузьмин, редактор черносотенной газеты «Свобода и Труд», успел скрыться еще раньше. Изоляция основных эсеровских руководителей на некоторое время облегчила положение Совета, но все это большого значения уже не имело.

Очередной разговор по прямому проводу с губернским центром состоялся 15 июня. Красноярск сообщал, что Сибирская железно-дорожная магистраль от Златоуста до Мариинска, включая города Челябинск, Омск, Петропавловск, занята белочехами и требовал направлять все усилия на формирование красногвардейских отрядов и отправку их в центр губернии. Вечером того же дня мы получили телеграмму за подписью председателя губисполкома Г. С. Вейнбаума, в кото-

рой говорилось, что война принимает затяжной характер и нельзя забывать ни на минуту, что речь идет о спасении революционной России.¹

16 июня в 12 часов нам доставили последнее сообщение из Красноярска: «Начался бой». С этого времени связь с губернским центром прекратилась.

Полученное позднее известие о падении Красноярска и об эвакуации руководителей большевистской организации и губернского Совета произвело на нас удручающее впечатление. Мы не ожидали такого исхода. Что могло случиться? Куда наши эвакуировались? Почему они не пошли на Минусинск, а оттуда — в южные горы, представляющие хорошие естественные позиции? На все эти вопросы никто из нас не мог дать ответа.

Эти события имели решающее значение в борьбе Минусинского Совета с кулацким съездом.

Выборы на VII уездный крестьянский съезд проходили в момент активизации контрреволюции, что обеспечило успех эсерам и кулакам.

Уже 17—18 июня делегаты стали съезжаться в пригородные села, их сопровождали вооруженные отряды контрреволюционеров для «охраны» от Советской власти. К 19 июня Минусинск оцепили казахи и кулацкие отряды. 22—23 июня вокруг города сконцентрировалось до 10 тысяч белобандитов. Минусинск оказался осажденным.

Минусинский Совет не сдавался. Для защиты города он расставил свои вооруженные силы следующим образом: первый красногвардейский отряд с пулеметом расположился в здании винного завода, находящегося вблизи заставы и основной проезжей дороги. Второй пулемет этого отряда установили в противоположном конце города, на берегу реки Минусинки, чтобы преградить путь врагу через мост. В центре города, на площади, в большом каменном доме, разместили второй партийно-комсомольский отряд особого назначения, вооруженный бомбами и револьверами. Другую позицию обороны держал специальный отряд в зданиях

казначейства и исполкома, на балконе которого поставили третий пулемет.

Расстановку сил тщательно продумали, позиции избрали удачно, но оружия имели мало: всего лишь 270 винтовок с 5—7 патронами на каждую и три пулемета. Что можно было сделать с таким боевым снаряжением против врага в десять тысяч человек?

При столь явном неравенстве сил требовалось мобилизовать всю волю трудящихся к победе. Минусинские коммунисты и Совет на производственных предприятиях провели митинги, собрания и беседы.

Уком партии большевиков и Совет выпустили воззвание трудящимся уезда, которое говорило о нависшей угрозе, призывало всех тружеников встать на защиту Советской власти.

На воззвание сразу же откликнулись рабочие Черногорских копей, союз строительных рабочих Минусинска, резерв Красной гвардии, крестьяне-середняки и часть середняков. Все это нас ободряло, хотя наличие оружия никак не обеспечивало людей, готовых идти в бой за социалистическую революцию.

Открытие VII уездного съезда наметили на 21 июня.

В ночь накануне этого дня конная казачья банда врвалась в город и проникла к красногвардейским казармам. Казаки рассчитывали захватить нас врасплох. Но красногвардейцы находились в полной боевой готовности и встретили белую конницу огнем. На помощь красногвардейцам подоспел отряд особого назначения, снаряженный Военно-революционным штабом. Казаки, отстреливаясь, отступили к своим исходным позициям — к заставе, оставив несколько человек убитыми. С нашей стороны погиб товарищ Колыватов.

На рассвете налет совершила другая кулацко-казачья банда, но уже на здание исполкома. И на сей раз отряд Красной гвардии, расположенный в здании, дружными залпами из окон и балкона остановил белогвардейцев и не дал им подойти даже к баррикадам исполкома. Белых вынудили повернуть обратно и скрыться за городом. Этой операцией руководил опытный командир коммунист Базаркин.

¹ Полный текст этой телеграммы см. К. Гидлевский, М. Сафьянов, К. Трегубенков. Минусинская коммуна 1917—1918 гг. М.-Л., 1934, стр. 173.

2. Как пала Советская власть

Утром 21 июня 1918 года начал работать VII крестьянский съезд. Открыл его председатель Совета К. Е. Трегубенков. Почти весь состав исполкома был в президиуме. Сотни недоброжелательных глаз смотрели на нас. Кое-где раздавались угрозы. В президиум съезда также избрали и махровых контрреволюционеров во главе с правым эсером Силиным, хорошо известным Минусинску демагогом и политическим авантюристом. Посыпались контрреволюционные предложения Силина, одно враждебнее другого.

— Есть предложение наименовать наш съезд чрезвычайным, ибо он собрался в исключительной обстановке,—сказал Силин.

— Состоялось! — закричали со всех сторон, поднимая руки.

— Есть мнение, исходя из этих же соображений, допустить на съезд с правом голоса всех прибывших в Минусинск крестьян!

— Верно, правильно! — поддержали его реакционеры, и снова все подняли руки.

Так, в состав съезда дополнительно ввели более сотни черносотенцев, попов, торговцев и всякого другого сброда вместе с кулаками и казачьими офицерами, прибывшими без мандатов.

— Есть предложение воспретить газете «Известия» критиковать работу съезда и его решения,—продолжал Силин.¹

— Ура! Принято! — раздалось кругом.

— Есть предложение обязать Минусинский Совет предоставить в распоряжение съезда типографию и рабочих для печатания его решений.

— А то как же! Обязательно! — дружно поддержали Силина.

— Есть предложение обязать Военно-революционный штаб обеспечить неприкосновенность всех делегатов,— все больше наглед Силин.

¹ Примечание. Здесь речь идет о газете «Известия» Минусинского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. — *Ред.*

— Ну, ясно! Пусть попробуют! Мы им покажем! — закричали в зале и снова подняли руки.

— Есть предложение обязать членов Минусинского Совета и Военно-революционного штаба не покидать съезд без разрешения на то президиума!

Данное предложение встретили восторженным воем. В момент голосования за это предложение члены Совета и Военно-революционного штаба, точно сговорившись, поднялись и один за другим покинули зал.

Контрреволюционный штаб и банды, стоявшие за городом, узнав о случившемся, вспыхнули негодованием и решили немедленно вступить в город. Но съезд их остановил. Предъявив ультиматум Совету и Военно-революционному штабу, съезд вынес решение о полном и беспрекословном подчинении его воле.

Через два дня съезд избрал новую власть — Комисариат из шести человек: трое от крестьян — Силин (председатель съезда), Гуров (кулак, правый эсер), Рыжков (кулак); от казаков — Мосин (монархист, богат); от городской буржуазии — Тарелкин (правый эсер, позже колчаковский комиссар) и от хакасов — Майнагашев (махровый черносотенец). Это был орган кулацко-эсеровской власти, поставившей целью ликвидацию завоеваний Великого Октября, восстановление царского режима, прежней эксплуатации трудящихся и расправу над теми, кто свергнул господство помещиков и капиталистов.

22 июня у нас произошел разговор по прямому проводу с Красноярском. С нашей стороны у аппарата находился коммунист А. И. Плотников. Он вызывал Г. С. Вейнбаума. В ответ последовало:

— У провода начальник гарнизона полковник Гулидов. Большевики разбиты, Советская власть в Красноярске свергнута. Большевистские советчики бежали, за ними послана погоня.

23 июня кулацкий съезд предложил Минусинскому Совету немедленно начать разоружение советских военных сил в городе и в уезде. Совет ответил, что он не передаст свою власть VII съезду. Ввиду истечения полномочий многих депутатов уездного и сельских Советов мы потребовали от съезда немедленно приступить на местах к перевыборам.

Такой ответ вызвал бурные, длительные прения на съезде. Чувствовалось, что враги обескуражены твердой позицией Совета и не решаются на применение крайних мер. Одновременно проходило последнее заседание Минусинского Совета. Присутствовали товарищи Плотников, Гидлевский, Непомнящий, Трегубенков, Адасинская, Сафьянов, Фаерман, Липинская, Корсак, Лебедев, Харлашин и другие, всего 20 человек. Некоторые депутаты были в командировках и отпусках, трупы бежали, предатели перешли на сторону врага.

Мы, небольшая группа членов Совета, уставших, не спавших несколько суток, обсуждали сложившуюся ситуацию. Товарищ Корсак доказывал необходимость идти в бой.

— Пусть мы погибнем,— говорил он,— но не сдадимся! Возможно, нам удастся прорваться сквозь вражескую цепь и уйти на юг, в горы. Там укрепим, снова перейдем в наступление. Нам, помимо смелости и решительности, нужен надежный отряд красногвардейцев и запас продовольствия. Лучше смерть, чем капитуляция.

Алексей Ильич Плотников призывал:

— Можно не сомневаться в беззаветной преданности Советской власти большинства красногвардейцев-рабочих, но среди крестьян есть много колеблющихся. Например, один из них сегодня утром при обходе бросил мне винтовку. Вопрос решается, в конце концов, не поведением отдельных крестьян-красногвардейцев, а настроением всего среднего крестьянства, которое сейчас колеблется под влиянием кулаков и эсеров. Если мы вступим в бой, то это создаст серьезный конфликт с минусинским середнячеством. Поэтому я предлагаю временно отступить. Такой выход в сложившейся обстановке является наиболее целесообразным и правильным.

А. И. Плотников, авторитетный руководитель партийной организации, всегда отличался умением глубоко анализировать сложившуюся обстановку и выносить наиболее разумное решение.

Как раз в это время зазвенел телефон. Требовали А. И. Плотникова.

— Что? Тюрьма? Кто говорит? — спрашивал Плот-

ников. — Ничего не слышно! Товарищ Кратюк? Что? Белые захватили тюрьму?! Руководят офицеры?

Разговор оборвался. Телефон перестал работать.

Тут вошел наш товарищ, оставленный на кулацком съезде в качестве информатора, и доложил, что крестьянская секция Совета перешла на сторону кулаков. Председатель этой секции Алексеев от имени всех крестьян выразил раскаяние и просил у съезда прощения за свою работу в Совете.

Председатель съезда Силин заявил, что если крестьянская секция действительно отходит от Советов, то должна доказать это на деле. Пусть она, прежде всего, принудит подчиниться съезду весь состав непокорного Совета. Только тогда эту секцию выделяют из Совета и допустят к работе съезда.

Предложение Силина прошло единогласно.

Полученное известие нас ошеломило. Воцарилась гробовая тишина. Первым ее нарушил председатель исполкома К. Е. Трегубенков. Он попытался поднять наш дух, но мрачное состояние не рассеял.

Съезд решил послать делегацию из трех человек (Силина, Майнагашева и Ожиганова) к прямому проводу для переговоров с Ачинском и Красноярском с целью выяснения сложившейся обстановки в Сибири и России. Предложили в состав делегации включить и одного человека от Совета, чтобы он лично мог убедиться в том, что большевики разбиты. Совет уполномочил на это А. И. Плотникова. Делегацию обязали вести переговоры только от имени VII-го съезда.

Дальнейшие события развивались очень быстро, приближая трагическую развязку. Появился в исполкоме еще один наш товарищ. Бледный и измученный, он долго не мог понять, какие люди сидят перед ним. Губы его дрожали, а зубы выстукивали дробь. Наконец, он тихо прошептал:

— Привез товарища Герасимова, лежит на телеге. Труп. Белые поймали нас за городом у кладбища и страшно измывались: скрутили ему руки, привязали к телеге, били, кололи штыками и замучили. Я привез его мертвым.

Товарищ Герасимов — член уездного Совета, чест-

ный и преданный пролетарий, был комиссаром Алтайского госхоза (ныне совхоз «Россия» Алтайского района). Все свои силы он отдавал служению Советской власти.

Мы еще не успели опомниться от нанесенного удара, как влетел в исполком растерянный, задыхающийся от бега и волнения, один из командиров Красной гвардии товарищ Зазыба, оставленный на съезде для наблюдения за его работой. Белые приказали ему арестовать исполком и Военно-революционный штаб.

Вернулся с телеграфа А. И. Плотников. Все мы буквально впились в него глазами. Он же молчал и избегал смотреть на нас.

— Ничего утешительного нет, — сказал, наконец А. И. Плотников. — Разговаривали с белогвардейцами. У прохода в Красноярске был не то генерал, не то полковник. Из переговоров узнали, что Советская власть якобы уже свергнута по всей Сибири и в значительной части России, что красноярские большевики бежали, захватив с собой всю наличность банков и казны, что за ними послана погоня.

Кулацкий съезд встретил эту информацию бурными аплодисментами, возгласами радости и угрозами в адрес большевиков.

А мы все еще надеялись на что-то, ждали. Неужели эта информация — последняя? За окном проливной дождь заливал город, усугубляя гнетущую обстановку. В это время перед нами неожиданно появился какой-то товарищ, за ним фигура Зины Гущик.

— Товарищи, — начал вошедший, и на этом речь его оборвалась.

— Ну, чего еще там, говори скорее! — нетерпеливо произнес товарищ Гидлевский.

— Случилась беда, которую поправить никак нельзя. Отбиты все продовольственные запасы. На нас налетели белые и захватили все подводы. Что делать?

— А у тебя что? — обратились к Зине Гущик.

— Я вернулась из разведки, — ответила она. — Кулацко-казацкие отряды ползут с окраин города, вражеское кольцо сужается.

— Товарищи, — начал К. Е. Трегубенков, — вот последний ультиматум кулацкого съезда, переданный мне

час назад. В нем нам установлен срок до пяти часов. Одновременно белогвардейскому штабу дано задание в 5 часов 30 минут вечера ввести свои отряды в город. Времени у нас осталось полчаса. Ждать больше ничего. Соотношение сил не в нашу пользу, и у нас нет выбора. Остается или погибнуть в бою или сдаться врагу, чтобы сохранить не одну жизнь для будущей борьбы. Решайте.

Проголосовали.

— Решено сдаться, — заключил К. Е. Трегубенков.

— Кому поручается выступить на съезде? — спросил он.

— Тебе, конечно, — отозвались голоса.

— Мне так мне. Пошли, товарищи, — сказал К. Е. Трегубенков.

Приняв это решение, Совет явился на съезд и поднялся на сцену.

— Зачем пришли? — раздался иронический голос Силина.

Товарищ К. Е. Трегубенков вышел вперед. Но Силин не дал ему говорить: останавливал, одергивал, издевался.

— Вы нам прямо скажите, — наступал он, — признаете наше требование или все еще нет?

— Принято, — с трудом выдавил из себя К. Е. Трегубенков.

В зале раздалось «ура» и аплодисменты. Поднялся невероятный галдеж. Однако по требованию К. Е. Трегубенкова съезд дал гарантию полной неприкосновенности личности членам Совета и Военно-революционного штаба, командирам отрядов Красной гвардии и красногвардейцам, всем членам партии большевиков и членам профсоюзов. Эта гарантия, как мы вскоре убедились, была грубым обманом.

3. Расправа

Обыски и аресты, избиения и убийства начались еще с ночи, а наутро разгул реакции развернулся по всему городу. Как только красногвардейцы сняли свои патрули, белогвардейско-казацкие банды со всех сторон ринулись в город и устроили кровавый погром. Вла-

стителем города стал белогвардейский штаб, для которого съезд не имел никакого значения. Тюрьма быстро наполнялась.

Рано утром явились ко мне на квартиру казаки. Я находилась в больнице, в операционной. Проходила неотложная операция. Казаки бесцеремонно ворвались в больницу. Доктор с возмущением потребовал от них немедленно удалиться и ждать меня в другом месте, но они нагло подошли к операционному столу. Боясь издевательств над больной женщиной, лежащей на столе под хлороформом, я передала в руки растерявшегося врача инструменты и почти безгом бросилась к двери.

Войдя в свою комнату, я увидела полный разгром на полу валялись разбросанные вещи, белье. На меня сразу же накинулись казаки, требуя сказать, где оружие. Но они опоздали. Все оружие, которое поручили мне хранить, я тщательно зарыла ночью во дворе. Казаки кричали мне в лицо, ломали руки, грозили снова и снова шарить повсюду. Оружия им найти так и не удалось. Они арестовали меня.

На улице я увидела, как из соседнего дома вывели редактора нашей газеты «Известия», члена Совета Михаила Сафьянова. Нас повели вместе.

Идем и вдруг слышим дружные аплодисменты. Оглянулись и увидели: у забора стоят меньшевики Хруцкий, эсеры Тарелкин, Толмачев и другие, с усмешкой на нас смотрят и рукоплещут. Мы отвернулись.

Нас приволокли к мосту. Тут казаки дали себе волю. Издеательства над Михаилом Сафьяновым продолжались без конца.

— Ну, как наши денежки, по вкусу приходятся тебе? На, получай! — со злобой говорили казаки и били Михаила.

— Да чего на него смотреть! Дай я ему срублю голову и в реку спущу! — закричал один из них и, обнажив шашку, кинулся к Сафьянову.

— Стой! — командовал другой. — Какая радость здесь его казнить? Мы возьмем их к себе в Таштып и там на базарной площади при всем честном народе снимем головы.

У меня от нагаек горела спина. Под крик «бей под

дых!» мне нанесли страшный удар кованым сапогом под ложечку, и я свалилась в грязь. Бешено встряхнув, меня опять поставили на ноги. Наконец, нас привели к зданию тюрьмы и ворота ее широко распахнулись. Двор тюрьмы был заполнен казаками и белогвардейскими офицерами, уже успевшими вырядиться в форму с погонами.

В тюрьму приводили все новых и новых наших товарищей. Вот втолкнули избитого Гидлевского, за ним — Крючкова, Ксению Липинскую, Зину Гущик, Непомнящего, Адасинскую, Лебедева и многих других. Только Плотников и Трегубенков не были избиты, их привели делегаты съезда.

Начальник тюрьмы распределил нас по камерам. Руководителей исполкома Совета рассадили по одиночкам и приставили к ним особую офицерскую охрану. Меня сначала тоже посадили в одиночку, но потом втолкнули ко мне Зину Гущик.

Издеательства не прекращались и в камерах. В глазок без конца смотрели, изрыгали самые похабные ругательства, плевались, грозились выколоть глаза и изрешетить наши головы.

На другой день пытки продолжались с новой силой. Меня и Адасинскую поместили в карцер, в котором бегали голодные крысы, ползали мокрицы. Офицеры из тюремной охраны с утра начали «охотиться» за головами большевиков. Разрывной пулей через окно убили товарища Харлашина.

Волна преследования большевиков прошла по всему уезду. Даже подозреваемых в большевизме убивали без суда и следствия. Зарывали в землю раненых, а иногда и живых.

Эсеровская газета в это время разжигала погромные настроения, выливая ушаты клеветы на Минусинский Совет и отдельных товарищей, сидевших в тюрьме. Под казачьими нагайками застонал весь уезд.

Порядки, насаждаемые кулацко-эсеровской властью, отрезвили, быстро заставили одуматься среднее крестьянство Минусинского уезда и всей Сибири: повсюду стали возникать партизанские отряды.

Крестьяне, испытав на себе всю «прелесть» сначала

эсеровско-меньшевистской, а затем колчаковской власти бесповоротно повернули на советский путь.

И. Д. КНЫШ

НАС НЕ СЛОМИЛИ

Работать я начал 12-ти лет, в 1914 году. Был сортировщиком руды на шахте Антонида рудника Улень, затем кучерил, возил почту, делал формы на заводе.

В 1917 году на руднике создали Совет рабочих депутатов. Председателем избрали Епимаха Станиславовича Станишевского, а секретарем — Павла Гордевича Конопелько.

Вскоре в Улени организовали Красную гвардию, куда вошло много рабочих, в том числе и я. Вначале в нашем отряде числилось около 50 человек. Первым взводом командовал Комлев, вторым — Болдин. В составе нашего красногвардейского отряда были и хакасы. Я, например, помню Кокова Николая Васильевича, рабочего по заготовке древесного угля для рудника, жившего в улусе Тазьмин. Позже он ушел в партизаны и служил в Канском полку. Красногвардейцы несли караул и наводили революционные порядки на руднике.

Примерно в июне 1918 года по призыву Минусинского Совета с рудника направили отряд красногвардейцев в количестве 80 человек для защиты г. Минусинска от кулацко-казацких дружин. Я был в составе этого отряда рядовым.

Через три дня после прибытия в Минусинск к нам пришла делегация от казаков, состоявшая из двух стариков. Они уговаривали нас.

— Братцы, с кем вы воюете, мы же с вами одной крови! Мы хотим Учредительного собрания, а Советы не нужны. Сдавайте оружие! Дадим вам всем документы, и вас никто не задержит. Красноярск пал, вы окружены.

В общем, они хотели обманным путем склонить нас сдать оружие. Наши ребята подняли свист и выпроводили эту делегацию.

Наконец, белые подготовились к выступлению. В субботу утром из бора выскочила сотня казаков, за ними пошли восставшие кулаки. Мы открыли огонь. Офицер сразу же был убит, остальные ушли обратно в лес.

Прошло еще три дня. Снова появилась делегация казаков, уже из пяти человек, и потребовала сдать оружие. Наши командиры Пушкарев Николай и Болдин Григорий согласились это сделать, а нам предложили уходить, кто куда хочет. Начали расходиться. Кто оставался, тех сразу же арестовывали, сажали в тюрьму и избивали. В числе схваченных оказался рабочий рудника Улень Ананьев Федор. Матросская форма на нем была вся изодрана.

Я из Минусинска вернулся домой. Здесь Советская власть также пала. Всюду победителями ходили местные казаки. Завод-рудник не работал. Меня вызвали возить почту.

В конце сентября 1918 года председатель профсоюза Конопелько и Грушнин ездили по заданию рабочих в Томск, в горнопромышленное управление, чтобы выяснить о пособиях, которые должны были выдаваться ввиду закрытия нашего предприятия. Меня послали за ними в Батени. В это время на руднике свирепствовал карательный отряд Чёрных. Последний заявил, что арестует Конопелько и Грушнина сразу же, как только они появятся, и расстреляет их. Я обо всем слышанном передал товарищам. Они, посоветовавшись, все же решили вернуться на Улень.

Приехали домой ночью. Наутро Конопелько и Грушнин виделись с Чёрных, но он их не тронул.

Конопелько был арестован через месяц на станции Сон карательным отрядом Матюшкина, привезён на рудник, посажен в каталажку, где просидел 10 дней. Каждый день его били плетью, выводили на снег босиком, стреляли в него мимо, чтобы вынудить выдать участников подпольной повстанческой группы.

Мы, молодые люди, тяжело переживали пытки П. Г. Конопелько и решили организовать его побег, но план свой нам не удалось осуществить.

В декабре 1919 года на рудник пришел партизанский отряд под командованием Петра Колотилкина из армии Кравченко—Щетинкина. Я вступил в партизаны

и прошёл путь Улень—Юлия—Сухая Ерба—Батени—Сарагаш—Новоселово—Боровит—деревни Сосновка—Г Ачинск. Здесь нас расформировали, и я вернулся домой.

Дома не успел побыть и двух недель, как появились в наших краях банды. Я записался в отряд по борьбе с ними. Отрядом командовал товарищ Лебедев.

Где-то в конце 1920 года возле села Сон мы встретили банду Олиферова и дали ей бой. Олиферов был убит. Мне пришлось еще участвовать в боях против олиферовцев на Утах, Усть-Оне и в окончательном разгроме их в улусе Сипчуль.

Е. И. ЧАЙКОВСКАЯ-ГИДЛЕВСКАЯ

О МИНУСИНСКИХ БОЛЬШЕВИКАХ-ПОДПОЛЬЩИКАХ

После падения Советской власти в Минусинске коммунисты, оставшиеся на свободе и вырвавшиеся из тюрьмы, приступили к организации подпольной работы. Одну из явок они устроили у меня на квартире по улице Ново-Присутственной, ныне улице Октябрьской в доме № 36, принадлежавшем домовладелице Широковой.

Я работала тогда портнихой на дому. Перед каждым собранием подпольщиков, заблаговременно вывешивала на окне объявление следующего содержания: «Продается манекен» или «Принимаю заказы на модные платья». Это был условный знак о сборе.

Собрания посещали Глодик Ян Иосифович, Пшибильский Ян Иосифович, Преснецов — столяр, Трунов—столяр, Татаренко Николай — связист из казачьей станицы Каратуз, Жданов Василий Яковлевич из деревни Малая Минуса, Оленников Петр и Девяшин Логин из деревни Дубенской, Глухих Евгений Афанасьевич, Кузнецов Архип Маркелович.

О личном составе подпольщиков и их деятельности можно сказать следующее. Кульчицкий Станислав Осипович вместе с Пшибильским Яном Иосифовичем и Глодиком Яном Иосифовичем в 1916 году как политкаторжане были привезены закованными в кандалы на стро-

ительство Усинского тракта. После свержения царя их освободили, и они вступили в Красную гвардию Минусинска под командованием Корсака Яна Ольгердовича.

Я помню и других подпольщиков, которые собирались в столярной артели, находившейся на углу улиц Песочной и Церковно-Загородной и в пимокатной кооперативной артели. Это были товарищи Хозяйкин, Михаил Григорьевич, Солдатов Вениамин Георгиевич, Черник Павел, Добрых Александр, Паутов Иван, Бояринцев, Толстов Ефим Александрович, Кузнецова Ксения Маркеловна, Шадрин Григорий, Базанов Семен, Сухогудов Степан. Другие товарищи, например, Г. В. Лебедев, Д. А. Гапченко приезжали к нам в город из сельских волостей, чтобы установить связь с подпольной организацией.

Примерно в конце сентября 1918 года коммунисты создали руководящую тройку. Перед ней поставили конкретную задачу вести подготовку рабоче-крестьянского восстания.

В период подготовки к восстанию С. О. Кульчицкий поддерживал постоянную связь с Минусинской подпольной организацией и от нее получал директивные указания. Станислав Осипович часто приезжал в город за оружием, снаряжением, медикаментами и патронами. У нас он не останавливался, а поговорив с моим мужем, — подпольщиком Каспер Гильяровичем Чайковским, уходил на явочную квартиру Якубовской по улице Песочной.

Когда в ноябре началось выступление крестьян Минусинского уезда, большевистская организация поручила Станиславу Осиповичу Кульчицкому возглавить восстание. Во время штурма Минусинска С. О. Кульчицкий мужественно сражался с белоказаками. Будучи в первых рядах, он оказался тяжело раненым и при отступлении был схвачен белыми. Прокопий Широков — очевидец расстрела повстанцев, позднее рассказывал, что С. О. Кульчицкий держался мужественно до конца. Перед смертью он бросил в лицо врагам: «Да здравствует революция, да здравствует Советская власть!»

После поражения минусинского восстания мне лично пришлось скрывать от белогвардейского террора одного из подпольщиков-повстанцев — Евгения Афанасьевича

вича Глухих. Его усиленно разыскивали белые офицеры. В печати подробно описали приметы Е. А. Глухих, за его поимку и доставку живым или мёртвым назначалась награда в десять тысяч рублей.

П. Г. КОНОПЕЛЬКО

О ПОДПОЛЬНОЙ РАБОТЕ БОЛЬШЕВИКОВ НА СТАНЦИИ СОН

В июне 1918 года, когда пала Советская власть, 1200 рабочих на медеплавильном руднике Улень были уволены с работы. Безработные разошлись по окрестным деревням и сёлам или скрывались в тайге вдали от жилья.

С сентября того же года, в период усиления репрессий со стороны Временного сибирского правительства, я на станции Сон Минусинско-Минусинской железной дороги совместно с Е. С. Ольшевским и И. И. Турусиним начал тайно готовить к восстанию рабочих, изгнанных с рудника.

На конспиративное собрание, проходившее на моей квартире 20 ноября 1918 года, явился бывший командир одного из уленьских отрядов Красной гвардии Николай Пушкарёв. Мы его посвятили в свою тайну и попросили помочь в работе по организации восстания. В то время на руднике Улень колчаковцы создали хорошо вооружённую дружину. Пушкарёву поручили разведать о месте хранения оружия дружины, выяснить, есть ли возможность для нападения и захвата его повстанцами. Н. Пушкарёв наше предложение охотно принял и обещал сообщить о результатах разведки через три дня.

Однако он оказался предателем. Прибыв на рудник, Пушкарёв немедленно доложил управляющему Деларю, начальнику полиции и дружины о наших планах. Деларю срочно направил донесение генералу Шильникову в Минусинск, а начальник полиции обратился к управляющему уездом Тарелкину с просьбой немедленно выслать ему на помощь отряд для подавления повстанцев на станции Сон. Донесение Деларю отвёз в Минусинск предатель Пушкарёв.

Генерал Шильников 21 ноября 1918 года дал в село Батени телеграмму, чтобы отряд, двигавшийся из Ачинска в Минусинск под командой прапорщика Матюшкина, половину своего состава направил на станцию Сон для разгрома «банды» Конопелько.

24 ноября отряд Матюшкина оцепил рудник и арестовал по доносу Н. Пушкарёва членов подпольной организации. После истязаний схваченных товарищей, каратели прибыли на станцию Сон, где захватили меня и других членов нашей организации. Всего было арестовано 32 человека. Остальные успели скрыться в тайге.

Белогвардейцы, произведя обыск в квартире, избивали нас всех, а потом увезли меня на рудник Улень. Здесь я сидел взаперти 11 дней. Меня ежедневно по несколько раз избивали до потери сознания плётками со свинцовыми наконечниками. Вечерами, когда я приходил в себя, выводили босиком по снегу на расстрел, но стреляли при этом мимо. Каратели требовали выдать членов подпольной организации, оружие, а главное — пулемёт И. И. Турусина.

Ничего не добившись, белые привезли меня на рудник Юлия, где находились первые арестованные, а позднее отправили с Е. С. Ольшевским в Минусинск в ставку генерала Шильникова. Всех остальных повстанцев, в том числе И. И. Турусина, увезли в Ачинск.

7 декабря нам объявили о том, что мы приговорены к расстрелу, но в связи с отсутствием генерала Шильникова, казнь переносится. Нас держали 16 суток в смертной камере под военным караулом. Только благодаря товарищеской помощи, мне и Е. С. Ольшевскому удалось избежать расстрела.

А предатель Пушкарёв позднее поступил добровольцем в армию Колчака.

Е. С. ОЛЬШЕВСКИЙ

С ОРУЖИЕМ В РУКАХ

Отец мой, Станислав Валентинович Ольшевский — политический ссыльный. Работал в Абазе, на железодельном заводе.

Я родился в Абазе в 1887 году. Трудиться начал рано. Сперва в литейном цехе чистил литье, а когда подрос стал работать на пудлинговой печи.

Труд на Абаканском заводе был очень тяжёлым. Рабочий день длился по 12—16 часов. Вместо заработной платы нередко выдавали железо. Рабочие сами ездили по деревням и улусам, меняли железо-лите на продукты.

В 1905 году я переехал на рудник Юлия. Здесь рабочие также жили и трудились в плохих условиях. Зарплату вовремя им не выдавали, но зато часто штрафовали. Однажды меня и многих моих товарищей за участие в забастовке занесли в чёрный список и выгнали с рудника. Изрядно помытарствовав, устроился я на руднике Улень.

Свержение царя я встретил с таким ликованием, что даже насмелился выступить на митинге, организованном по этому случаю.

Стали возвращаться с фронта солдаты и рассказывать о В. И. Ленине, который вернулся в Россию для руководства социалистической революцией. Тогда я толком не понимал, зачем нужна еще одна революция. С помощью большевистских газет, листовок и воззваний, наконец, разобрался, что к чему. На руднике Улень создали Совет рабочих депутатов. Правый эсер Высоккий и меньшевик Чишков мешали ему работать. Появились у нас агитаторы из Ачинска. Они выступали против Временного правительства Керенского, но не за Советы. Это были эсеры и меньшевики.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции на руднике организовали новый Совет. Председателем его избрали меня, секретарём — П. Г. Конопелько. На сей раз в Совет не прошли ни эсеры, ни меньшевики. Всю работу вели такие верные делу революции активисты, как Д. С. Новиков, Ф. А. Ананьев и другие.

Старая администрация покинула рудник. Рабочие остались без заработка. Мы решили послать в Москву лично В. И. Ленину телеграмму, в которой сообщали, что национализировали медный завод, но положение у нас плохое — нет денег. Пришёл ответ с советом обратиться в Красноярск в промышленный банк к товари-

щу Замошину. С тех пор деньги стали получать из Красноярска регулярно.

Создали свою администрацию. Управляющим рудника избрали Г. П. Абросимова, а секретарю Совета П. Г. Конопелько поручили вести техническую отчётность.

В начале 1918 года я, как председатель Совета, получил письмо, в котором меня извещали об авантюре атамана Сотникова и просили выслать отряд рабочих для защиты Минусинского Совета.

Созвали общее собрание рабочих, чтобы обсудить вопрос об оказании помощи Минусинску. Меньшевики и правые эсеры выступили против такой помощи. Рабочие заколебались, так как их основную массу составляли вчерашние крестьяне. Только после горячих выступлений большевиков обстановка переменялась.

Вслед за мной в отряд записались и взяли в руки оружие многие рабочие. Меньшевики же получили от них подзатыльники.

Наш отряд отправился в путь. Дорогой заехали на рудник Юлию, увиделись с комиссаром Андреем Ананьевым и председателем Совета Василевским, которые сообщили, что их люди уже выехали в Минусинск.

В уездном центре нас встречал председатель Совдепа Кузьма Егорович Трегубенков. Я узнал, что на помощь Совету прибыли с рудников большие силы, и Сотников, не решившись наступать на Минусинск, пошел на Таштып.

Отряды Красной гвардии бросились в погоню за сотниковцами, догнали их у станицы Монок и разоружили. Сам Сотников бежал через Матур в Кузнецк.

Весной 1918 года, по возвращении из Минусинска, мы узнали, что дела на руднике обстоят плохо. Представители старой администрации во главе с прежним хозяином сильно разложили рабочих, а специалистов заставили бросить производство. На месте оставался только один мастер завода Кирилл Фёдорович Крюков. Наш управляющий Абросимов и комиссар Минусинского Совета Шапошников вели двойную игру и постоянно ездили советоваться к бывшему управляющему рудником М. Ф. Деларю.

Началась гражданская война. Контрреволюция под-

нимала голову то в одном, то в другом месте. В такой обстановке я собрал членов Совета на заседание. Решили учить рабочих военному делу. Василия Воронина и Ивана Козлова послали в Ачинск за оружием.

В июне 1918 года открылся VII-й крестьянский съезд Минусинского уезда, куда от нас были посланы делегаты и отряд Красной гвардии. Правда, один из наших красногвардейцев, бывший слесарь Болдин Григорий, переметнулся в стан врагов. Вместо того, чтобы защищать Советы, он по прибытии в город надел белую повязку и начал арестовывать рабочих. На съезде контрреволюция взяла верх, Советская власть пала.

На обратном пути нам встретился второй отряд, посланный в Минусинск с нашего рудника. Мы его вернули, так как помощь уездному Совету уже была не нужна.

Приехавший в Улень, хорошо знавший сложившуюся обстановку, видный большевик Я. Е. Боград предложил наш Совет временно переименовать в Комитет общественной безопасности, оставив в его составе всех старых членов. Так мы и сделали.

Вернулась на рудник старая администрация, затем появился белогвардейский комиссар Хруцкий с вооружённым отрядом. Он дознавался, где большевики. Мы сказали ему, что у нас большевиков нет.

Вечером созвали общее собрание рабочих. На повестке дня стоял вопрос о признании Временного Омского правительства. Большинство проголосовало за признание, а человек пять воздержалось. Хруцкий спросил, почему мы не голосовали. Мы заявили, что не поняли сути вопроса. Тогда управляющий Г. П. Абросимов, указав на меня, сказал, что я являюсь руководителем местных большевиков, хорошо понимаю содержание вопроса, но сознательно не хочу голосовать за Временное правительство.

Я вышел к столу и произнёс речь:

— Вопрос я хорошо понял, но голосовать за Временное правительство действительно не хочу. Контрреволюционное восстание белочехов — это временное явление. Из Москвы и Питера к нам на помощь идут рабочие, и они раздавят контрреволюцию. Я признаю только

Советскую власть и её не продам. Управлять государством должны рабочие и крестьяне, а не буржуазия. Вон в стене гвоздь торчит, пусть меня на нём повесят, я же от своих убеждений не отрекусь.

Все повскакивали с мест, рабочие стали кричать, что я прав. Белогвардейцы хотели устроить надо мной самосуд, но товарищи меня спасли.

Ночью я бежал на рудник Юлию и через Ивана Сафроновича Турусина и Никифора Игнатова связался с П. Г. Конопелько. Он организовал на станции Сон партизанский отряд из 200 человек. В штаб отряда вошли П. Г. Конопелько, А. А. Людвиг, И. И. Турусин и я. В отряде были рабочие Иван Загрядский, Иван Курочкин, Александр Соловьев, Иван Меркулов, Иван и Константин Рахмановы и многие другие.

Осенью 1918 года в Синявино возник второй партизанский отряд, в который входили Тимофей Уханов, Александр Харламов, Макар Обухов, Никифор Игнатов и другие.

Деларю, узнав о возникновении нашего отряда, прислал ко мне на рудник Юлию своего человека Николая Пушкарёва, пытавшегося вступить в партизаны и собрать о них данные. Я ему ответил, что у нас никакого отряда нет. Тогда он поехал на станцию Сон к П. Г. Конопелько. Тот доверился Пушкарёву и рассказал про наши дела.

Пушкарёв всё, что разведал о партизанах, передал Деларю. Управляющий сделал донесение генералу Шильникову, который немедленно направил против нас карательный отряд.

Начались аресты. 32 человека схватили на станции Сон, 25 — на руднике Юлия, поймали Конопелько и Турусина. Кроме того, в этих двух населённых пунктах арестовали 110 человек только по подозрению.

Нас били плетьюми и шомполами. Несмотря на истязания, мы не выдали А. А. Людвигу и других товарищей, оставшихся на свободе. Ничего не добившись, посадили к нам провокатора Ивана Попыляева, но он был сразу же разоблачён. Другого провокатора Косова убили на станции Сон.

Затем П. Г. Конопелько и меня отправили в Минусинск, а остальных — в Ачинск. Когда нас вывозили с

рудника, людей собралось много. Они кричали вслед колчаковцам:

— Варвары. Всё равно долго не процарствуете!

В Минусинске нас посадили в тюрьму. На другой день в камеру вошли генерал Шильников, Тарелкин и прокурор. Генерал, посмотрев на нас с Конопелько, заметил:

— Ребята молодые. Наверное, заблудились.

И тут же приказал:

— Расстрелять всех большевиков!

Потом спросил меня, в какой организации мы состоим.

Я ответил:

— Член профсоюза рудника Улень.

— Нет, я имею ввиду организацию большевиков, — уточнил генерал.

— Такой организации я не знаю.

Вечером нас водили в гостиницу на допрос к Матюшкину. Он составил протокол, сунул мне на подпись. Я написал на протсколе, что всё изложенное в нём — ложь, и расписался. Матюшкин расвирепел и ударил меня по голове.

На четвёртый день я попал в контору. Гляжу: старый знакомый офицер Александр Сергеевич Чаусов. Он бросился ко мне, обнял и сказал:

— Пима! За что тебя посадили? Я у Тарелкина старшим письмоводителем работаю, увидел ваше дело и к нему. Это, говорю, всё клеюзы. Ну, ты меня не опасайся, выручу!

Простились мы. Через шесть дней нас перевели в общую камеру, где сидели участники восстания.

Потом меня вызвали в полевой колчаковский суд. Судили три молодых офицера и Чаусов, который доказывал, что я не виновен. Только благодаря ему было решено передать дело в гражданский суд.

В октябре 1918 года меня перевезли в красноярскую тюрьму, в которой нас, политических, объявили заложниками. За одного убитого колчаковца расстреливали по 15—25 политических.

В декабре 1919 года, когда Красная Армия стала подходить к Ачинску, заключённых начали выпускать

из тюрьмы. Меня же, заболевшего сыпным тифом, отправили в лазарет.

Скоро я вернулся на рудник Юлию. Здесь в начале 1920 года мы создали коммунистическую ячейку. Первыми членами её были Исаков, Редькин, Хабенков, Сугариков, Берденев, Архангельский. Секретарём избрали меня.

Тогда на территории Чебаковской волости ещё не было ни райкома, ни волкома ВКП(б). Местные комячейки возникли по инициативе снизу. Я выезжал для организации комячеек на станцию Сон, в деревни Большая Ерба, Потехино. Помню первых большеербинских коммунистов Арсения Козлова, Трофима и Григория Потехиных, Луку Остапина, Петра Путинцева, Артемова, Байкалова, сонских коммунистов — Василия Рахманова, Ивана Меркулова, Капустина.

Снова наступило тревожное время. Вокруг рудника Юлия стали орудовать банды Соловьёва, Кулакова и других.

Об условиях, в которых приходилось нам в то время работать, можно судить по следующим фактам. В деревне Большая Ерба, в квартире Семёна Артёмова, собралась ячейка на своё собрание. Кулаки, разнюхав об этом, сообщили бандитам. И вот слышим стук в дверь. Мы с винтовками наготове открыли дверь. Ворвались бандиты, Григорий Потехин, Филипп Лалетин и Петр Путинцев сразу же уложили троих. Остальные, выскочив на улицу, начали стрелять по дому, мы же залегли. Во время перестрелки убили ещё одного бандита, другого взяли в плен.

Бывало и потруднее. Однажды командир отряда по борьбе с бандитизмом, находившийся на руднике, Василий Алексеевич Уланов сообщил мне, что в улусе Тазьмин часть его людей окружена бандой в полторы сотни человек. Положение их очень опасное, а послать на помощь некого.

Мы созвали общее собрание коммунистов. Снарядили группу из 12 человек, бывших партизан, и поехали на выручку красногвардейцев. По пути заехали в Тарданов улус, к И. С. Турусину, который сказал, что без него бандиты могут нас перехитрить, и поехал с нами.

С помощью И. С. Турусина мы удачно подошли к улу-су и пулемётным огнём разогнали банду.

Наши коммунисты днём работали, а по ночам с оружием в руках охраняли рудник и динамитный склад. Так, до 1925 года мы постоянно находились почти на военном положении.

Ф. Е. АНАНЬЕВ

РАБОЧИЕ БОРЮТСЯ ЗА СВОЮ ВЛАСТЬ

Я родился на руднике Юлия в 1897 году. С 1909 года начал работать в шахте бурносом, потом на заводе — разнорабочим.

В первых числах мая 1916 года меня забрали в солдаты. Наш полк, сформированный из новобранцев, стоял в Ачинске и готовился к отправке на фронт. Перед самой отправкой молодой солдат Лукашов не явился в роту в нужный срок, и его осудили к 25 розгам.

Помню, нас, молодых солдат, построили в казарме. Перед нами лежал на скамье Лукашов с оголенной спиной, а на его шее и ногах сидели солдаты. Нам было приказано, выходя из строя, беспощадно бить его розгами. Первый удар нанёс ротный Зверев. Брызнула кровь. После 22 ударов подошла моя очередь, но я не вышел из строя. И в ту же минуту на меня посыпались удары: в затылок, по лицу, по голове.

Меня взяли под караул и тоже обещали наказать розгами, но через три дня с дисциплинарной ротой отправили на фронт.

К концу пути я заболел и попал в госпиталь в г. Петрограде. Из госпиталя меня направили на Петроградский патронный завод, где работали, в основном, женщины и девушки. Здесь я вступил в профсоюз и был избран цеховым профоргом. Принимал участие в революционных выступлениях солдат и рабочих столицы.

В феврале 1917 года загудели гудки заводов и паровозов. Это означало, что надо братья за оружие. Рабочие нашего завода пришли к складу, который назывался «Арсеналом», вырвали замки, вооружились, пошли против жандармов и охраны.

В сентябре 1917 года я демобилизовался. Перед самым отъездом мне, как профоргу, дали наказ организовать на местах профсоюзы и вручили членские книжки.

В начале октября 1917 года я приехал на рудник Улень, стал на учёт в Совете. Председателем Совета являлся Епимах Станиславович Ольшевский, секретарем — большевик Павел Гордеевич Конопелько, членами Совета — Александр Андреевич Марченко и Дмитрий Сергеевич Новиков.

Я начал беседовать с рабочими о необходимости организовать на руднике профсоюз. Меня тут же предупредили, что такое дело надо проводить тайком. Ранее рабочий Голубев также агитировал за профсоюз, но хозяин рудника М. Ф. Деларю сообщил об этом куда следует. Голубева вызвали в Ачинск и мобилизовали на фронт.

Я стал работать осторожнее. На ближайшем собрании рабочих поставили вопрос о восстановлении профсоюза на руднике. Деларю протестовал: «Я не разрешаю этого». Председательствующий Новиков призвал его к порядку, тогда он демонстративно покинул собрание. Хозяина проводили свистом и смехом.

В профсоюзную организацию в тот же день вступило 500 человек. Собрание избрало меня председателем, Грушнина Дмитрия Сергеевича — секретарем, Марченко Александра Андреевича и Курочкина Григория Григорьевича — членами профсоюзного комитета.

Профсоюз сразу же взял под контроль производство, все запасы продовольствия, а хозяина предупредил, что отныне он не имеет права увольнять людей без ведома комитета. Но враги рабочего класса продолжали борьбу. По указанию Деларю они зверски убили в пути рабочего Александра Сотникова, посланного на рудник Богомдарованный (ныне Коммунар) для организации профсоюза.

В апреле 1918 года на общем собрании рабочие решили передать рудник государству. Меня и Д. С. Новикова послали уполномоченными в Минусинск, где мы вместе с Деларю передали предприятие в ведение Советов.

Мы с Петром Терентьевичем Санником были делегатами VII съезда Советов Минусинского уезда, на ко-

тором произошло контрреволюционное выступление кулаков.

В те дни Минусинский Совет запросил помощи для защиты съезда. От рудника Улень снарядили вооружённый отряд красногвардейцев из 60 человек. Командиром его назначили Николая Пушкарёва, оказавшегося предателем. Он подвёл красногвардейцев под арест, а сам бежал.

Когда я пришёл на съезд, здесь свирепствовали эсеры, кулаки и уцелевшие жандармы. Арестовывали прямо на съезде. Забрали делегата с рудника Юлия Александра Василевского, начали поговаривать и о нас. Мы не дожидаясь ареста, вечером ушли со съезда.

Советская власть в Минусинске и уезде пала. На рудник вернулся хозяин Деларю со своими людьми, появился исправник, прибыл карательный отряд под командой прапорщика Чёрных. В это время многие рабочие покинули рудник. Я тоже уехал и до весны 1919 года находился в бегах.

В мае 1919 года меня мобилизовали в колчаковскую армию. Две недели держали в Минусинске, а потом отправили в Красноярск. В губернском центре нас разместили в военном городке. Со мной было несколько человек с рудников Улень и Юлия.

И вот среди солдат военного городка красноярские большевики стали готовить восстание. Я тоже принял участие в этом деле. Ходил с Петром Мухиным и Фоминым в окопы, где под предлогом игры в карты, проводились собрания.

30 июля 1919 года мы, солдаты, поднялись на восстание, которое оказалось неудачным. Пришлось отступить. На другой день, когда я блуждал по лесу, меня тяжело ранили. Подлечившись в больнице, я бежал от колчаковцев. Добрался до своих мест и скрывался у родных. Прятался дома, на сенокосе. Вышел из укрытия только после того, как партизаны освободили от белых станцию Шири.

Наступила мирная жизнь. Я стал крестьянствовать, обзавёлся семьей. Но тут появились бандиты, которые терроризировали население. 25 марта 1921 года в нашу деревню пришёл Кулаков с бандой из 18 человек.

Загнав большинство крестьян в избу, бандиты рыска-

ли по деревне и грабили её. Открывали сундуки, вытаскивали из них платки, шали, холсты. Стон и крик стояли над деревней.

После этого налёта жители деревни решили создать отряд самообороны. Включили в него самых бывалых ребят: Андрея Гриву, Ивана Малярова, Тихона Наумцева, Гавриила Гаврильченко и других. Меня избрали командиром отряда. Сперва вооружились, чем могли, потом из села Сухая Тесь прислали винтовки.

Снарядив своих людей, мы поехали на рудник Юлию к командиру эскадрона тов. Дерябину. Он улучшил наше вооружение и дал конкретное задание. Теперь по ночам мы стали делать вылазки против бандитов и вытеснили их в тайгу.

Осенью 1921 года банда Кулакова снова вышла в степь, напала на сользавод, ограбила его жителей и направилась к нам. Однако, узнав от своих сообщников о том, что в деревне есть вооружённый отряд самообороны, бандиты не решились напасть на нас и повернули в улус Давыдкова.

В октябре взводу регулярных частей под командой товарища Егорова и моему отряду приказали поехать в тайгу на ключ Сингингол для ликвидации банды Силиверста Астанаева. Когда мы прибыли в Синявино, к нам пришёл старик-хакас и рассказал, что Астанаев забрал его шестнадцатилетнюю дочь. Отыскав в тайге стоянку бандитов, старик встретился с Астанаевым, просил отдать дочь, но его избили и выгнали.

Старик согласился стать нашим проводником. Через сутки, в три часа ночи, мы разыскали банду Астанаева. Стан бандитов находился в огромном бараче из двойных бревенчатых стен, между которыми были набиты глина и камни.

Окружив барак, мы открыли огонь. Бандиты, отстреливаясь, стали отходить. Наш старик ранил Астанаева в щёку, несколько бандитов оказались убитыми. Преследовать их по лесу мы не стали, так как в тайге уже лежал глубокий снег. С нашей стороны ранение получили два красногвардейца.

Разогнав бандитов, навьючили на их лошадей трофеи и вернулись в Синявино. Через три дня банду полностью ликвидировали, а Астанаева поймали в Усть-Бюри.

Потом я вступил в отряд Дерябина и находился в нём до полного уничтожения банды Соловьёва.

А. Е. КОВРИГИН

ЗА НОВУЮ ЖИЗНЬ

Я, уроженец села Чебаки Минусинского уезда. С 12-ти лет работал на руднике Богомдарованный. В 1912 году ушёл в солдаты, а в 1915 году вернулся с фронта инвалидом войны.

С получением первых известий о Февральской революции, мы, рабочие рудника, сняли с постов всех царских приспешников, захватили оружие и создали рабочий комитет. Некоторые из владельцев рудника скрылись, а кто оставался на местах, тот первое время не решался оказывать нам сопротивление.

Таким образом, ещё до Великой Октябрьской социалистической революции управление рудником Богомдарованный было взято в руки рабочих. Под их руководством предприятие продолжало производственную деятельность. Верно, нам приходилось тяжело: не хватало хлеба, продуктов, инвентаря, взрывчатки, инженеры с нами сотрудничать отказались. Но рабочие перед этими трудностями не пасовали и продолжали начатое дело.

Тогда же на рудниках Богомдарованный и Сарала, а также в селе Чебаки организовали красногвардейские дружины. Рудниковскими дружинниками командовал Дмитрий Мешков, а чебаковскими — я. Когда вспыхнуло чехословацкое контрреволюционное восстание и на Транссибирской железнодорожной магистрали образовался Мариинский фронт, Ачинский Совдеп обратился к нам за помощью. Более 20 рабочих поехали добровольцами на фронт защищать Советскую власть.

В силу неравенства сил рабочие отряды на Мариинском фронте потерпели поражение. Те, кто остался в живых, попали в плен. Белогвардейцы отправляли их эшелонами на Восток, где по приказу генерала Семенова большинство пленных было уничтожено.

С падением Советской власти в Ачинске чебаковские богатеи и их прислужники, инженеры Маршалов и Ве-

рёткин, вышли из укрытий и начали чинить расправу над рабочими. Они усиленно распространяли слухи о том, что Советы ликвидированы повсюду и навсегда.

Рабочие поручили мне узнать, где находится фронт и как там развиваются события. Я тайно уехал в г. Ачинск на съезд инвалидов войны и здесь подробно установил, какие города и районы взяты белыми с помощью чехов. Власти меня арестовали, но благодаря протесту инвалидов, через семь дней освободили из заключения.

Вернувшись в Чебаки, я обо всем слышанном рассказал рабочим. В эту же ночь в селе всех дружинников посадили в каталажку. Рудниковская дружина пришла к нам на помощь и освободила нас. Тогда местные буржуи вызвали карательный отряд, который арестовал многих членов чебаковского Совета. Меня оставили под надзором для сдачи центральных складов в Чебаках, которыми заведовал, потом отправили в ачинскую тюрьму, где я просидел в течение трех месяцев.

Выйдя из тюрьмы, я вернулся в Чебаки и начал вести среди рабочих и бедняцкого населения разъяснительную работу, сколачивать в своем селе и на руднике группу сочувствующих Советской власти.

Сохранившийся актив рабочих постепенно накапливал силы, чтобы вновь вступить в борьбу. У всех настроение было боевое, каждый горел желанием по быстрее расправиться с белогвардейцами.

К весне 1919 года в селах Парной и Белошапкино Михаил Перевалов организовал партизанский отряд. Он прислал к нам нарочного с просьбой оказать ему помощь. Из Чебаков к нему выехало 20 рабочих. Людей в отряде Перевалова собралось более 100 человек.

Вскоре это восстание против колчаковского режима подавили. Сам Перевалов с небольшой группой ушел в Туруханск, там пополнил отряд партизанами города Енисейска и продолжал вести борьбу. Только после восстановления Советской власти он вернулся в село Шарыпово. Другие же уцелевшие повстанцы разошлись по деревням, где их вылавливали и уничтожали. Так, расстреляли Ивана Шушеначева, братьев Николая и Федора Лобзиных, братьев Исчучековых.

двоих Ивановых, Николая Федорова, Симонова, Селезневу, Масленникову. Мать члена рудничного комитета Федора Котюрина, Андрея Метелкина и Ивана Добровольского возили по деревням, били плетьюми, выкололи им глаза и насмерть замучили в селе Парной. Семьи расстрелянных в трехдневный срок выгоняли из Чебаков. Выселили и мою семью.

Закончив расправу над партизанами, карательный отряд приехал в село Чебаки. Здесь кулаки подписали приговор о расстреле 19 человек, в списке которых была и моя фамилия. Я уцелел потому, что находился в это время на руднике. Об этом приговоре я узнал в пути и, не доехав до Чебаков, бежал из улуса Ефремина. Через два месяца меня поймали в Ачинске и отправили в тюрьму, где я просидел восемь месяцев до прихода Красной Армии. Освободившись из тюрьмы, остался в г. Ачинске. Там в феврале 1920 года вступил в ряды РКП (б).

После вступления в партию меня послали в Кызыльскую волость комиссаром. В мои обязанности входила борьба с бандитизмом и проведение массово-разъяснительной работы среди населения.

Вернувшись на рудник Богомдарованный, я собрал актив, провел с ним беседу. Из рабочих, участников Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, мы создали партийную ячейку. Позднее партийные ячейки организовали на Саралинском руднике и в некоторых соседних селах.

Первое время после освобождения от Колчака пришлось проводить большую работу по ликвидации эпидемии тифа, который уносил население целых улусов. В Чебаках открыли больницу. Для его оборудования мы сначала ничего не имели, так как бывший хозяин рудника Иваницкий и его управляющий Шипяков перед своим бегством все спрятали в тайге. Нам удалось разыскать это имущество и перевезли его в склады. Для работы в больнице кое-как нашли старенького фельдшера.

Хакасы в то время почти сплошь были неграмотными, верили шаманам и не шли в больницу. Иногда приходилось разыскивать скрывавшихся больных и

доставлять на лечение просто силой. Так мы боролись с тяжелым наследием войны.

Массовые расстрелы населения белогвардейскими карателями и эпидемия тифа оставили много сирот. Для их воспитания и обучения мы организовали детский сад в имении бывшего хозяина Иваницкого. Заведующим назначили Н. А. Арямова.

С окончанием гражданской войны началась борьба с белыми бандами и кулаками. Они не давали нам спокойно жить. Все время приходилось быть наготове. Ночевать собирались в одно место, а днем на башне дома Иваницкого стояли часовые. Сено косили и хлеб убивали с винтовками за плечами.

В это беспокойное время, в 1920 году, в селе Чебаки мы создали сельскохозяйственную коммуну. Ее зарегистрировали в Ачинске и оттуда получали материалы и инвентарь. Сначала в коммуне состояло небольшое количество людей. Члены коммуны занимались земледелием, добычей соли на озере «Форпост», производством дегтя. Коммуна просуществовала более года. Затем ее перевели на положение сельскохозяйственной артели.

В целях проведения организованной борьбы с бандитизмом в Ачинске сформировали территориальный полк особого назначения (ЧОН). Третий батальон этого полка, которым командовал я, состоял из представителей ячеек Кызыльского района. Как раз в то время банда Олиферова вышла из марийской тайги. Я получил приказ выехать с отрядом лыжников в распоряжение тов. Первалова.

Банду Олиферова мы обнаружили на речке Урюп. Сделали засаду и крепко ее побили: отняли весь обоз, многих бандитов пленили и уничтожили. Уцелевшие олиферовцы побежали в деревню Сорokino. Оставив там 16 человек убитыми и пленными, они ночью напали на улус Заведенье и зарубили семь человек. Потом банда подошла к селу Сон через курорт «Шира». В бою возле этого села был убит ее предводитель. Последние сподвижники Олиферова бежали на юг Минусинского уезда, где их окончательно ликвидировал отряд тов. Лыткина.

Банда Соловьева состояла из местных баев и кула-

ков. Они хорошо знали тайгу, и поэтому с ними трудно было бороться. Банда занималась грабежами, делала налеты, расстреливала коммунистов и сочувствующих им. Например, в селе Заведенье соловьевцы арестовали 17 коммунистов и моего беспартийного брата. Предложили всем идти с ними. Большинство не согласилось, и их тут же уничтожили.

Мне пришлось также участвовать в ликвидации банды Базаркина. С ней мы воевали недолго. Ее остатки бежали с территории Хакасии в неизвестном направлении.

В боях с белобандитами мы потеряли многих своих товарищей. Так в одном из боев с бандой Базаркина погиб Алексей Лобзин, отца которого зарубили соловьевцы. Алексей Лобзин был замечательным боевым товарищем. Его смерть для нас явилась тяжелой утратой. От рук бандитов погибли командир взвода Егор Ефимов, бесстрашный сибиряк Михаил Карелин, рабочие рудника Богомдарованный братья Григорий и Павел Первовы, бойцы Григорий Литвинов, Павел Изотов и другие. Только в маленьком селе Чебаки и на руднике Богомдарованный бандиты замучили более ста человек.

Память о борцах за народное дело навсегда останется в сердцах строителей коммунизма.

И. К. ЛАБЕЦКИЙ

БОЕВОЙ ПУТЬ ПАРТИЗАНСКОЙ АРМИИ КРАВЧЕНКО-ЩЕТИНКИНА

1. Объединение партизан Ачинского уезда

Войска интервентов и белогвардейцев в начале июня 1918 года, одержав победу на Марнинском фронте, двинулись в глубь Сибири.

В деревне Нагорново, где я жил, готовилась к борьбе наша еще неокрепшая большевистская партийная организация, состоявшая из девяти человек. В ее состав входили Шпагины — Семен, Василий и Павел;

Ворохобины — Николай и Александр; Сучков Гавриил, Усынин Кондратий и братья Лабецкие — Григорий и Я.

Своевременно получив предупреждение от батрака Чадова Федора о том, что белые хотят нас уничтожить, как опасных врагов их режима, мы ушли в подполье.

Карательные отряды стали часто посещать нашу деревню, выискивая большевиков. Грабж и издевательство над людьми для белых были первым делом. Они забирали все, на глазах мужей и родителей насиловали женщин и девушек, многих пороли плетями, шомполами, зверски убивали. Только в деревне Нагорново каратели расстреляли 12 человек.

Июль—август 1918 года ознаменовались для крестьян непосильными налогами и поборами. Грабежи и зверство карателей заставили крестьян-середняков твердо стать на сторону Советской власти. Они начали открыто выражать недовольство Временным правительством. Мой односельчанин Сучков Терентий, например, во всеуслышание благодарил подпольщиков за то, что те помогли освободить его сына от мобилизации в белую армию.

В сентябре 1918 года состоялся нелегальный съезд представителей четырех волостей: Новоселовской, Больше-Улуйской, Еловской и Покровской в селе Покровском, на котором от нас присутствовал Григорий Лабецкий. Съезд проводил посланец красноярских большевиков Е. Т. Марутко. Подпольщикам была дана установка разъяснять и вскрывать сущность власти белых и интервентов, удерживать молодежь от мобилизации в белую армию, срывать снабжение города Ачинска продовольствием и фуражом.

Решения съезда делегаты быстро довели до масс. Ввоз в город Ачинск всех видов продовольствия, фуража и топлива крестьянами был приостановлен. От мобилизации в белую армию повсюду стали уклоняться.

В первых числах октября в деревню Нагорново внезапно нагрянул карательный отряд белоярской станции под командованием атамана Лященко. Арестовали наших двух товарищей Григория Лабецкого, Александра Ворохобина и крестьянина Емельяна Герфанова. В ноябре каратели казнили на реке Чулыме моего брата Григория и труп его спустили в прорубь.

После ареста подпольщиков мы активизировали работу по подготовке к вооруженному восстанию. В списке подпольщиков числилось 27 человек, готовых вступить в открытый бой с колчаковцами. Так как среди нас не было ни одного человека, знакомого с военным делом, то решили ждать Петра Ефимовича Щетинкина, который, как мы знали, находится где-то близко от нас.

В это же время я связался с надежными товарищами: в деревне Крещенка—со Шромиными Махаилом и Дмитрием, в деревне Ивановка—с Высоцким и Капустинным, в деревне Журавлевке—с Макусевыми Ивановом и Дмитрием, в деревне Виловке—с красногвардейцем Цибулей и Королем.

В первых числах ноября 1918 года приехал в Нагорново Е. Т. Марутко. Я его не знал и раньше нигде не встречал. Он прибыл к моему брату, Григорию Лабецкому, но так как тот был арестован, ему пришлось остановиться у меня. Е. Т. Марутко со мной мало разговаривал, по-видимому, опасался, и я тоже язык свой не развязывал.

Е. Т. Марутко попросил меня нанять для него подводу, чтобы доехать до деревни Стрелки, где он якобы должен закупить сено. Вот тут-то он или проговорился, или специально сказал, что дальше ехать боится, так как в деревнях Лапшихе, Козловке, Ольховке и Усть-Ольховке появились какие-то вооруженные отряды. Я нашел для него бесплатную подводу и отправил.

Хотя Е. Т. Марутко не объяснил цели своего приезда в Нагорново, мне стало ясно, что в названных им деревнях есть уже партизанские отряды. Обо всем этом я доложил подполью на собрании, которое состоялось в бане братьев Шпагиных.

После встречи с Е. Т. Марутко мы еще смелее повели свою работу. В конце ноября 1918 года ко мне ночью заехал П. Е. Щетинкин и с ним четыре товарища из села Красновки: Черепанов, Прейма, Бельвенцов и Елисей Коробейников. В моей квартире Петр Ефимович провел с нагорновскими подпольщиками короткое совещание и порекомендовал нам до его сигнала не выступать открыто, а пока проводить работу по сбору оружия, строго соблюдать конспирацию, что-

бы не раскрыть существования ядра партизанского отряда.

В конце ноября нам стало известно, что 58 революционно настроенных крестьян включено в список колчаковской контрразведки для того, чтобы подвергнуть их репрессиям. Мы со Шпагиным Семеном тут же объехали всех занесенных в список и сообщили им, что 24 декабря необходимо собраться в деревне Нагорново с оружием.

К этому дню наш отряд состоял из 42 человек, имел 27 трехлинейных винтовок и на каждого партизана 2—3 гранаты. Через неделю отряд вырос до 72 человек и имел уже 43 винтовки. Командиром нагорновского отряда избрали меня, взводными—Шпагина Семена, Трепашкина Антона и Скултана Адольфа.

Первое время туго было с патронами. Пришлось в срочном порядке открыть при кузнице крестьянина Петра Колесникова мастерскую для выправления помятых гильз и набивки их охотничьим порохом и свинцовыми пулями.

В первой декаде января 1919 года в Нагорново снова приехал П. Е. Щетинкин и сообщил, что связался с четырьмя отрядами, созданными Е. Т. Марутко и В. А. Улановым, посланцами красноярской подпольной организации большевиков. Мы с ними установили тесную связь.

К середине января в наших местах существовало уже шесть партизанских отрядов, в которых насчитывалось 350 человек. Отряды располагались в деревнях Лапшихе, Козловке, Ольховке, Конториной, Нагорново и Красновке.

П. Е. Щетинкина избрали командиром объединенного партизанского отряда.

2. Первые успехи

6 января 1919 года из казачьей станицы Игинки приехал с семьей в деревню Нагорново крестьянин-середняк Клюев и рассказал, что казаки забрали все его имущество и сожгли дом только за то, что он с сыном не записался в колчаковскую дружину.

За эти издевательства мы решили немедленно на-

казать игинских казаков и дружинников. В ночь на 7 января тридцать партизан под командой Ивана Евсеенко внезапно появились в станице Игинки, разогнали дружину и казаков, сожгли три казачьих дома, собрали имущество Ключева и вернули ему.¹

19 января в 9 часов утра разведчик Сучков Гавриил доложил, что из станицы Игинки через Курбатово движется в Нагорново обоз на 83 подводах с вооруженными людьми.

Наш взвод, находившийся в заставе, занял позиции в окопах. Первая атака колчаковцев была моментально отбита. Партизанская «трещетка» в морозный день хорошо имитировала выстрелы настоящего пулемета.

Вскоре к нам приехал П. Е. Щетинкин и Степан Чемров. Они прошли по позициям, подбодрили партизан, похвалили за хорошее устройство окопов. Потом по их просьбе мы выделили 15 партизан с винтовками для усиления отряда тов. Волкова, находившегося в селе Красновке и с трудом отражавшего наступление белых.

В два часа дня из деревни прибежал в окопы нарочный и сообщил, что по еланской дороге в стороне Нагорново движется большой обоз во главе с тремя вооруженными всадниками.

Мы послали в деревню троих партизан. По пути они встретили кулака-торговца Павлова, возвращавшегося со своей мельницы. Тот посоветовал идти навстречу обозу не с винтовками, а с хлебом и солью и просить пощады, чтобы не дать погибнуть всем нам. Женщины Ускова Парасковья, Усынина Мария и Ворохобина Ирина, услышав «наставления» кулака, испугались, стали выгонять свой скот со двора и направлять его по до-

¹ Примечание. Во второй половине февраля 1919 г. П. Е. Щетинкин направил Игинскому сельскому обществу следующий наказ: «Прошу прекратить в город Ачинск доставку дров, сена, хлеба, за неисполнение наказа виновные будут подлежать строгой ответственности вплоть до расстрела».

За невыполнение этого наказа казачья станица Игинки была партизанами сожжена, а хлеб, изъятый у кулаков, роздан беднякам. (См. П. Е. Щетинкин. Борьба с колчаковщиной, Новосибирск, 1929, стр. 24, 91). Таким образом, факт, изложенный т. Лабецким, не полностью соответствует действительности. — *Ред.*

роге, ведущей в деревню Журавлёвка. По всей дороге началась суматоха: кто скот выгонял, кто зерно и муку в снег прятал, кто одежду в навоз хоронил.

А наши партизаны, приблизившись к обозу на расстоянии полукилометра, открыли огонь. Верховые моментально повернули обратно, за ними потянулся весь обоз. Впоследствии выяснилось, что это были белоярские казаки — старички на шестидесяти подводах, пробиравшиеся в деревню Нагорново собирать имущество якобы уже разбитых партизан.

В момент наступления белых крестьяне деревни Нагорново, вооружившись кто чем мог, прибыли к нам на помощь. В это же время к нам еще раз приехал П. Е. Щетинкин и сообщил, что колчаковцы удирают и из Красновки.

Таким образом, план карателей разгромить нас потерпел крах. Нагорновский отряд в течение трех дней увеличился до 97 человек, а крестьяне Новоселовской волости сами стали привозить нам мясо, масло, хлеб, патроны, гранаты, свинец и охотничий порох.

В дальнейшем мы свои действия развернули по линии Транссибирской магистрали. В северной части Ачинского уезда полностью разоружили колчаковскую милицию. Мелкие карательные отряды белых, как огня, боялись партизан.

Набегами на железную дорогу мы парализовали нормальное движение поездов на своем участке. Озлобленные колчаковцы двинули против нас полк регулярных войск. Наш левый фланг находился в деревне Ольховка, где стояла застава партизан из 18 человек под командой товарища Ехраменко. Заранее получив известие о намерении колчаковцев, П. Е. Щетинкин дал тов. Ехраменко соответствующие указания и одновременно договорился с крестьянами Ольховки, что они будут поддерживать партизан.

Партизаны находились в засаде больше суток, сидели в снежных окопах при двадцати градусном морозе, а крестьянки деревни непрерывно подносили им горячую пищу.

Снова появилась колчаковская разведка, которую засада пропустила, за разведкой последовали подводы и одна за другой колонны пеших, всего около 600 че-

ловек. Засада партизан открыла огонь по первой колонне. В это время крестьяне во главе с Иваном Баславяком из деревни Ольховки бросились в обход противника. Колчаковцы, заметив движение крестьян, дрогнули — повернули свои подводы обратно. На дороге возникла суматоха. Новобранцы, не сделав ответных выстрелов, панически бежали. У белых насчитывалось 34 убитых солдата и 70 человек раненых. Со стороны партизан погиб только один. Колчаковцы побросали на поле боя много патронов, которые потом нам пригодились.

Через несколько дней колчаковцы сделали налет на деревню Козловку, но и тут оставили убитыми 60 своих дружинников. Бои с белыми прошли в деревне Курбатовой, станице Игинке, в деревне Нагорново. Все они закончились победой партизан над колчаковцами.

Первые наши успехи убедили крестьян северной части Ачинского уезда в том, что партизаны ведут серьезную борьбу за восстановление Советской власти. Они усилили помощь нам продовольствием и фуражом. В отряд явилось много добровольцев, мы не могли принять всех из-за отсутствия винтовок.

3. Переход партизан П. Е. Щетинкина в Заманье

В феврале 1919 года наступило затишье. Партизаны собирали силы к новым боям, а колчаковцы готовились к их разгрому. Белые имели большое численное превосходство над нами, но мы верили полководческому таланту Петра Ефимовича Щетинкина и надеялись на него.

Во время этого затишья в селе Большом Улуе провели съезд крестьян девяти волостей: Покровской, Чернореченской, Бирилюсской, Новоселовской, Большеулуйской, Новословской, Трудновской, Мелецкой и Провской. Съезд постановил запретить вывоз в г. Ачинск всех видов продовольствия, установить твердые цены на продукты питания, усилить подготовку к весенне-посевной кампании, закончить строительство в селе Большом Улуе первого народного дома.

Однако не все решения съезда повстанческого района удалось выполнить. Снова стали наступать колчаковцы.

На этот раз враг направил против четырехсот партизан, значительная часть которых была вооружена охотничьими берданками, более двух тысяч солдат и офицеров с четырьмя орудиями и десятью пулеметами. Наступление белые повели с востока через деревни Козловку, Тимонино и Лапшиху, с юга — через деревню Курбатово, а с запада в селе Коробейниково засада колчаковцев замыкала кольцо окружения партизан.

С 18 марта 1919 года бои не прекращались. Когда патроны кончились, мы решили отходить. Деревни, оставленные нами, колчаковцы сжигали дотла, многих жителей убивали. Поэтому за отступающими потянулись непрерывные обозы беженцев со скарбом.

26 марта, к десяти часам вечера, все шесть наших отрядов подтянулись к селу Красновка. Беженцев оказалось больше, чем партизан. Только в Сланцовке, Ивановке и Околиной кое-как уговорили их разбегаться по деревням до прихода преследовавших нас беляков.

Выходить из окружения решили через село Коробейниково. Тут возникал вопрос, куда двигаться дальше? Зная о партизанском отряде Михаила Перевалова в Шарыповской волости и партизанском движении в Заманье, приняли решение сначала оказать помощь Перевалову, а затем, соединившись с ним, направиться в Заманье. Нам предстояло перебраться через линию железной дороги. Сделать это было нелегко. Колчаковцы выдвинули два бронепоезда, которые курсировали на участке между станцией Криво и разъездом Белый Яр.

В целях отвлечения бронепоездов от нашего перехода через линию П. Е. Щетинкин направил четвертый отряд на станцию Криво и приказал шумной демонстрацией создать панику среди белых. Этот смелый маневр удался, и партизаны спокойно перебрались через железную дорогу у деревни Красная Речка.

От Краснореченского спиртзавода объединенный отряд шел без остановки днем и ночью. Там, где представлялась возможность, избегали крупных столкновений. Маршрут наш был зигзагообразным: Краснореченск — Алтат — Ельники — Березовское — Обухово. В Обухове приняли бой, в котором уничтожили около ста колчаковцев. Затем направились в Новопод-

зерново, Тамбор и снова внезапно нарвались на белых. Исход боя и на этот раз был в нашу пользу. Прощали Большой Барандат, Тисуль, Кайчак, Солдаткино, Никольское, Шарыпово.

М. Х. Перевалова в Шарыповской волости мы не застали, его отряд к этому времени оказался разбитым. Отсюда П. Е. Щетинкин повел своих людей на Ману через деревни Парную, Думу, Учум, Копьево, Марьясово, Карелку, Светлолобово, Яново.

В Яново крупные силы белых окружили нас со всех сторон. Завязался бой. В четырех километрах от этого села около 800 колчаковцев под командой есаула Сотникова догнали мою группу, шедшую в арьергарде, и стали обстреливать. Принять бой мы не могли, так как местность была открытой. Чтобы немного задержать белых, я с 40 бойцами устроил перестрелку. Тем временем наши основные силы подошли к Яново и развернулись в боевую цепь.

Ожесточенный бой продолжался весь световой день. Шквальный огонь десяти пулеметов и четырех орудий врага поставил нас в тяжелое положение. Умело расставленные Щетинкиным бойцы были малоуязвимы и, проявив выдержку и находчивость, нанесли противнику большой урон.

В разгар боя на нашу сопку прибежали два вооруженных колчаковских солдата, сдали винтовки, патроны и просили П. Е. Щетинкина разрешить отпустить их к своим, обещая привести в плен весь батальон. Петр Ефимович просьбу солдат удовлетворил. Через полчаса в тылу противника послышалась сильная стрельба. Кольцо колчаковцев, окружавших нас, стало ослабевать. Крупный отряд белых, стоявший в деревне Новоселово, отступил к Пристани и Игрышу. Минусинская дружина ушла в сторону деревень Аешка и Сарагаш. Полсотни казаков, поставленных в заслон у деревни Улазы, ускакали неизвестно куда. Сотников с остатками потрепанных войск под покровом вечерних сумерек отошел к Светлолобово. В этом бою противник потерял более двухсот человек убитыми и триста ранеными. Мы вышли из окружения.

От Яново наш путь шел через Улазы, Ивановку, Кому. В последнем селе освободили из колчаковско-

го застенка двух борцов за Советскую власть. Один из них был Наумчик Иосиф. Вскоре в отряд вступил сродный его брат — Андрей Кашуткин, а младший брат, подросток Петя Кашуткин, находился уже в партизанах. Он впоследствии отличился меткой стрельбой по врагу.¹

Заключительный этап нашего движения проходил через Глядень—Убей—Брагино, Сисим, Усть-Подгорное—Даурское—Потапово—Дербино—Покровка и прииск Карачинский. От деревни Покровка мы двигались по глубокому снегу через тайгу, где хлебнули немало лишений. Шестисуточный переход совершили почти без продовольствия. Ели конское мясо без соли и хлеба. Тем же кормили больных и раненых, а также детей беженцев.

Переход на Ману является поистине героическим. Он продолжался в течение двадцати суток.

Утром 17 апреля 1919 года, в восьми километрах от деревни Скотопрогонной, нас встретил А. Д. Кравченко и выдал каждому по килограмму хлеба и 150 граммов сала. В этот же день крестьяне Скотопрогонной истопили для нас бани. Все помылись и привели в порядок свое обмундирование.

19 апреля отряд П. Е. Щетинкина реорганизовался в Северо-Ачинский полк. Командиром полка стал Петр Ефимович Щетинкин, его заместителем—В. А. Уланов, командирами батальонов избрали П. Красницкого, В. В. Загуменного и меня, командирами кавалерийского эскадрона—И. Парамонова, зав. отделом снабжения полка—Е. Т. Марутко, его заместителем—И. Янчеленко.

20 апреля полк выступил в деревню Семеновку и занял указанные ему позиции.

4. Боевые действия ачинских партизан в Степном Баджее

Армейский Совет, Главный штаб и А. Д. Кравченко предложили Петру Ефимовичу Щетинкину принять командование партизанской армией. Это решение мо-

¹ Петр Викулович Кашуткин ныне кандидат исторических наук.

тивировалось тем, что П. Е. Щетинкин был смелым и оперативным командиром, испытанным большевиком.

Петр Ефимович, посоветовавшись с комсоставом Ачинского полка, отказался принять обязанности главнокомандующего. Многие командиры - коммунисты высказывали мнение о том, что назначение П. Е. Щетинкина вместо А. Д. Кравченко может быть неправильно понято и истолковано партизанами Степного Баджея. Руководствуясь этим соображением, П. Е. Щетинкин дал согласие стать заместителем главнокомандующего. С этого времени начала действовать партизанская армия Кравченко и Щетинкина.

На новом месте Северо-Ачинский партизанский полк совместно с другими полками повстанческой армии сосредоточил свои действия вдоль линии Транссибирской магистрали. Результаты были неплохими. Так, на одном из участков, наш полк захватил десять вагонов продовольственного зерна, два вагона сливочного масла и вагон с полозовым железом, которое немедленно передали крестьянам. Наши диверсионные действия на железнодорожной трассе настолько вредили колчаковцам, что они в конце мая 1919 года направили против трех тысяч партизан Кравченко и Щетинкина двенадцатитысячную армию с 25-тью орудиями и 50-тью пулемётами.

Мы держались пока имели патроны, потом отошли от железной дороги в Заманье и остановились в деревне Орешной. Отсюда ачинские партизаны совершили вылазку в деревню Унгут и разгромили там полк колчаковских гусар. Из захваченной в бою переписки стало известно, что колчаковцы собираются повести наступление на Баджей. Вскоре произошел знаменитый нарвский бой, в котором партизанская армия разгромила крупные силы белогвардейцев, итальянцев и чехословаков. После этого поражения итальянцы и белочехи не участвовали в боях против партизан.

Однако белые не хотели мириться с поражением. Получив пополнение, они сконцентрировали свои силы у хутора Кравченко, сколотили более 50-ти плотов и начали переправу через реку Ману на нашу сторону.

Первый батальон Ачинского полка, посланный к хутору, потопил на реке шесть вражеских плотов, но те, кто форсировал Ману, выбили из засады батальон. На-

ша позиция стала обстреливаться ураганным шрапнельным огнём противника. Так как у нас патроны были на исходе, пришлось отступить в село Степной Баджей.

5. Переход через Саяны

Командование партизанской армии в селе Баджее приняло решение уйти за Саяны.

Слух об уходе партизан в первую очередь донесся до госпиталя. Раненые приуныли, думая, что их оставят. Руководители партизан А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкин успокоили ребят, лежавших в госпитале.

Утром 15 июня 1919 года наши полки оставили Баджеей. Ачинскому полку приказали двигаться в аррьергарде, чтобы прикрывать отход армии.

И какова же была радость раненых, когда началась организованная эвакуация госпиталя! Сорок раненых отказались от носилок, хотя врачи не разрешали им ходить. Среди них были В. В. Загуменный — командир второго батальона Ачинского полка, Алексей Воронин, Терентий Цукунфт и другие. Они сели на подводы только тогда, когда миновали тайгу.

Совершить переход помогли и военнопленные колчаковцы, которых насчитывалось около тысячи человек. Все они изъявили желание пойти с нами. Вместе с врачами и сёстрами госпиталя пленные на руках перенесли больных и раненых партизан (а их было у нас 250 человек) до Минусинского уезда.

Ведь не все партизаны согласились идти за Саяны. Так, многие манцы повернули обратно, отряд К. А. Жестикова скрылся в тайге, Ачинский полк почти целиком разошелся по домам.

В долине реки Жаймы мы подсчитали свои силы. Из 3275 вооруженных партизан, числившихся до отхода, налицо оказалось 1370. Остальные разбежались. Сохранилось самое надежное ядро партизанской армии. Председатель Армейского Совета С. К. Сургуладзе, обращаясь к оставшимся, сказал, что тот, кто слаб духом, пусть сдаст оружие и вернется к своей семье. Таких нашлось около двадцати человек. Мы их отпустили, не пожелав счастливого пути.

Партизанам, оставшимся в Заманье, потом за свою

трусость пришлось поплатиться жизнью. Каратели при помощи местных шпиков вылавливали их и казнили, превратив каждые ворота в виселицу.

На третьи сутки продвижения, в полдень, путь нам преградил лесной пожар, идущий прямо на нас. Передовые части Канского и Тальского полков проскочили вперёд, а госпиталь, Манский и Ачинский полки оказались в плену огня. Пришлось бойцам и раненым спуститься в воды реки Крол. Хотя перенесли много страданий и мучений, но река спасла нас от смерти.

Затем шли по горным тропам. О скалы быстро изодрали обувь, до крови изрезали ноги, которые обматывали вещевыми мешками. Лошади тоже на одну треть обезножили. Всех наших лишений не перечислить.

С выходом из тайги стали появляться населенные пункты Минусинского уезда. Радости нашей не было предела. В подтаёжных деревнях крестьяне встречали нас, как родных. У каждого дома хозяева выходили навстречу целыми семьями, приглашая к себе. Во всех избах столы стояли накрытыми, ломаясь от яств. Так, например, крестьяне деревни Козино узнали о нашем прибытии за сутки и заранее приготовились к встрече.

С боями продолжая своё движение, умело маневрируя, партизаны с марша взяли село Каратуз. На пути стоял Минусинск. Белые стали укреплять город, готовясь к бою. Партизаны обошли его стороной. Манский полк направили в село Ермаковское, Канский — в Григорьевку, пять рот Ачинского полка во главе с П. Е. Щетинкиным — в деревни Казанцево и Шушенское, Тальский полк и 6-ю роту ачинцев оставили охранять госпиталь и хозяйственную часть армии.

Канский и Тальский полки расчистили выход на Усинский тракт. Партизаны, в достатке обеспеченные продовольствием минусинскими крестьянами, вступили в Саяны.

Переход через Саянский хребет оказался не таким лёгким, как нам представлялось вначале. Скалистые навесы над трактом, скрытые ущелья использовались колчаковцами для засад. Так, между первым и вторым паромами на реке Ус, где тракт проходит под отвесными скалами, обнаружили засаду, в которой сидело более ста дружинников под командованием офицеров.

Канский полк получил задание, сделав обход, уничтожить засаду, но его командир Сабаев, не согласился идти на ликвидацию дружинников. Сабаева тут же отстранили от командования полком и вместо него избрали К. М. Логвинова.

Тальский полк в сопровождении проводника за шесть часов по трудно проходимой местности проник в тыл засады и уничтожил её. Дружинники даже не успели сообщить о поражении своему командованию. Наши решили воспользоваться этим. А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкин позвонили по телефону в расположение противника в село Ус и от имени тех, кто сидел в засаде, попросили прислать продовольствия и боевого подкрепления, что и было сделано белыми. Партизаны получили шесть подвод продуктов и 60 дружинников «на помощь».

Усинские колчаковцы, узнав о нашем приближении, удрали из села, и мы вступили в него без боя. Почти в каждой избе нас встречали хлебом и солью. В селе Ус простояли двое суток.

6. В Туве

Во второй половине июля 1919 года Канский, Тальский и Ачинский полки заняли город Белоцарск, который тогда походил на небольшую деревушку. В нём виднелось только два каменных здания, мельница, склад да два больших деревянных дома, в которых размещались государственные учреждения. Вокруг них располагалось около 40 тувинских хибарок, похожих на круглые юрты. В Белоцарске мы захватили 500 четырёхлинейных бердан военного образца, много патронов и около ста пудов пороха.

В каменном помещении складского типа разместили оружейную мастерскую, в домах расквартировали третий батальон Ачинского полка. На церкви установили наблюдательный пункт. Госпиталь поместили в селе Верхне-Никольском, остальные полки расположились в предместьях Белоцарска. Одну роту Тальского полка послали за перевал, в сторону лагеря монгольского нойона Хатон-Батор-Вана.

Манский полк после того, как половина его состава отказалась идти из Степного Баджея, стал малочислен-

ным. В его рядах насчитывалось 300 человек. Оставленный в селе Ус в качестве заставы, полк не принял серьёзных мер по охране подступов к селу и оказался отрезанным белыми от основных сил партизан, находившихся в Белоцарске. Манцам пришлось добираться до своих окольных путём, через скалы и тайгу. По прибытии в Белоцарск их расположили в окопах, в четырёх километрах ниже города.

В Туве между членами Главного штаба возникли разногласия по выбору дальнейшего пути партизанской армии. П. Е. Щетинкин настаивал двинуться из Урянхайского края на город Верный для соединения с Красной Армией. Его поддерживал командир Тальского полка А. П. Марченко. Руководители же Манского и Канского полков согласились с предложением главкома А. Д. Кравченко вернуться в Минусинский уезд.

Несмотря на споры, шла усиленная подготовка к походу на город Верный: сушили мясо, сухари, шили большие кожаные мешки под воду, готовили караван из 46 верблюдов.

Между тем, враг замышлял покончить с нами. Есаул Бологов, заняв села Ус, Туран и Уюк, готовился напасть на Белоцарск. Для переправы на левый берег Енисея он построил 43 больших лодки.

Ночью с 28 на 29 августа Бологов незаметно сконцентрировал свои войска и технику на правом берегу Енисея: разместил в каменных окопах 260 человек с двумя пулемётами, сосредоточил около двух тысяч солдат ниже Манского полка, поставил прямо против города два орудия.

Утро 29 августа выдалось на редкость туманным. Над Енисеем нависли густые багрово-сизые облака. Я, будучи командиром заслона, послал в разведку на правый берег пятерых партизан под командой Матвея Непомнящего. Не успели мы доложить Главному штабу о полученных данных, как со стороны противника прогремели подряд два орудийных выстрела. Один снаряд угодил в церковь и порвал нашу телефонную связь, второй упал во дворе расположения Главного штаба.

Через 15 минут колчаковцы открыли орудийный огонь по Манскому полку, окопавшемуся в четырёх километрах от города. Создалось угрожающее положение,

так как в пределах города было не более 700 пехотинцев и 50 кавалеристов.

К пяти часам утра Манский полк был выбит из окопов и отступил к перевалу. Колчаковская пехота переправилась на нашу сторону. Батальон Тальского полка, не выдержав флангового обстрела, отступил к роте, находившейся под перевалом. Только два батальона Канского полка продолжали фронтально задерживать быстрое продвижение колчаковцев к Белоцарску. Один из ачинских батальонов попал под перекрестный огонь, но не покинул города, так как с его отходом Канский полк мог оказаться в окружении.

В этот критический момент П. Е. Щетинкин добрался с кавалеристом Чадовым до Тальского полка и направил его в тыл бологовцам. Затем он собрал отступавших манцев, привёл их в боевой порядок и определил к Канскому полку, а правому крылу этого полка приказал отойти и образовать фронт в сторону города. Мне велено было вывести батальон из города и примкнуть к цепи Канского полка.

Таким образом, П. Е. Щетинкин, быстро перестроив боевые порядки, впустил колчаковцев в Белоцарск. В результате этого маневра бологовцы оказались в нашем окружении и были прижаты с трёх сторон к Енисею. Такое расположение партизанских сил имело важнейшее значение в исходе боя за Белоцарск.

Есаул Бологов вступил в город в шесть часов вечера и тут же стал праздновать победу, предварительно сообщив в Минусинск и Красноярск о том, что красные разбиты наголову: П. Е. Щетинкин тяжело ранен, а А. Д. Кравченко убит.

Перед заходом солнца разразилась гроза с проливным дождём. В этот момент Щетинкин поднял своих людей в атаку. Огонь с обеих сторон вели без прицела, так как стало темно. Только вспышки выстрелов из ружей да молнии освещали поле боя.

К 10 часам утра начались ожесточённые рукопашные схватки. Колчаковцы, прижатые к Енисею, не выдержали нашего натиска и бросились в реку. Хватались за плывущие бревна, срывались с них и тонули.

В Белоцарском бою мы взяли в плен 302 колчаковца.

Сам Бологов с 80 казаками успел скрыться, остальные его воины либо пошли ко дну Енисея, либо разбежались. С нашей стороны оказались убитыми 37 человек и ранеными 41. В качестве трофеев нам достались два трехдюймовых горных орудия, 14 пулеметов системы «Максим», более двух тысяч трехлинейных винтовок, много орудийных снарядов, тысяч пятьдесят винтовочных патронов и около ста казачьих седел.

Белоцарский бой, выигранный партизанами, разрешил спор о дальнейшем маршруте армии. Теперь путь на соединение с Красной Армией через Минусинск был открыт.¹

7. Минусинский фронт

Похоронив с воинскими почестями партизан, павших в бою за Белоцарск, мы стали готовиться к новому походу.

3 сентября 1919 года² Армейский Совет созвал в Белоцарске съезд русских и тувинских крестьян с участием партизан. Съезд рекомендовал создавать на местах Советы и организовывать отряды самообороны.

4 сентября 1919 года А. Д. Кравченко с Манским, П. Е. Щетинкин с Тальским полками, конной разведкой и эскадром кавалерии выступили из Белоцарска на Минусинск. Ачинский и Канский полки, госпиталь и вся административно-хозяйственная часть партизанской армии двигались следом.

С боями преодолев переход через Саяны, партизаны разбили колчаковцев на Думной горе, невдалеке от Минусинска, отрезали им путь к отступлению и 13 сентября вошли в Минусинск.

Торжеству и ликованию не было предела. Крестьяне Минусинского уезда по собственной инициативе повезли партизанам все виды продовольствия, одежду, обувь. Со всех сторон к нам шли добровольцы.

В конце октября армия Кравченко и Щетинкина уже

¹ Примечание. Более полное и более точное описание белоцарского боя дано П. Е. Щетинкиным в его книге «Борьба с колчаковщиной», стр. 46—51. — *Ред.*

² Примечание. У П. Е. Щетинкина дата съезда названа 20 августа, очевидно, разность стилей времени. — *Ред.*

насчитывала в своих рядах около 20 тысяч бойцов. Обозвался Минусинский фронт.

Но колчаковцы не унимались. Они сконцентрировали крупные силы в Подсинем, Усть-Абакане, Абаканске и Городке. Кроме того, белые расставили свои части по правому берегу реки Тубы до деревни Шалаболино.

В первой половине октября начались бои за освождение правобережья Енисея. Партизаны дважды бились за село Городок, три раза — за Подсинее и Абаканск.

22 октября в Минусинск прибыл из Курагино крестьянин и сообщил, что в их волости появились вооруженные люди в количестве 38 — 40 человек, одетые в шинели, но без погон. Главный штаб секретно отобрал 40 лучших бойцов, создал из них отдельный отряд во главе с Терентием Цукунфтом и направил его в Курагино.

Отряд Цукунфта к назначенному сроку не вернулся, через 4 дня на его розыски послали меня с двумя ротами. Километрах в тридцати от города я встретил Цукунфта, от которого узнал, что он по совету того же крестьянина сделал засаду в удобном месте и разбил отряд колчаковцев, состоявший из офицеров. Раненые и пленные офицеры признались, что получили задание пробраться в Минусинск тайно по 3—4 человека и обезглавить партизанскую армию.

В ноябре, когда наладилась зимняя дорога, белые начали отходить. В селе Батени, собрав часть своих сил, они решили дать бой с целью задержать наше продвижение.

Манский полк должен был ликвидировать батеневскую группу противника, но его второй батальон из-за бездорожья не сумел своевременно подтянуть свои силы, состоявшие из партизан-новобранцев, и наступал разрозненно. Новички, попав под сильный пулемётный огонь колчаковцев, стали беспорядочно отступать. Только с подходом первого батальона этого полка батеневская группа белых была задержана внезапным ударом у деревни Сарагаш.

В дальнейшем колчаковцы подготовили сильный плацдарм на левой стороне Енисея, вокруг сёл Новосёлово, Трифоново и Яново. Отсюда они замыслили

прорвать наш фронт и уйти в Монголию, чтобы спастись от суда народа за свои злодеяния. Руководивший этой операцией белогвардейский офицер Волков накануне своего выступления похвалялся, что его отряд будет завтракать в Кома, обедать в Абаканске и ужинать в Минусинске.

Узнав через разведку о планах колчаковцев, П. Е. Щетинкин выдвинул Манский и Ачинский полки в направлении Салбы—Устуг—Хламенка—Кульчек—Бескыш и закрыл им путь. Между деревнями Устуг и Хламенка отряд Волкова угодил в засаду Манского полка и почти весь был уничтожен.

В первой половине декабря два полка — Манский и Ачинский полки послали на Кому и Трифоново. 16 декабря рано утром колчаковцы в количестве около трех тысяч пехоты и несколько сотен казаков при двух орудиях и 13 пулеметах перешли в наступление на Трифоново, чтобы прорвать наш фронт и бежать за границу. Враг, наступая на нас, применил психическую атаку. В это время трудно пришлось первому батальону манцев.

П. Е. Щетинкин, предвидя течение боя, удачно расставил боевые силы партизан. В самый критический момент наша артиллерия накрыла колчаковцев метким огнем с горы, а кавалерия ударила по ним с тыла. В минуту, когда белые дрогнули, заколебались, командир первого батальона Манского полка тов. Исаев, поднявшись во весь рост, крикнул первой цепи противника: «Сдавайтесь!» Но пулеметная очередь сразила бесстрашного комбата.

Партизаны, поддерживаемые огнём артиллерии и пулемётов, стремительно бросились в контратаку. Белогвардейцы залегли, и бой ожесточился. К вечеру, колчаковцы, не выдержав натиска партизан, пачками стали сдаваться в плен. Тех, кто продолжал сопротивляться, уничтожали наши конники и пехотинцы. Вся низина острова и пойма реки покрылась трупами белогвардейцев. В этом бою партизаны взяли в плен 1600 белых, захватили 13 пулемётов, два орудия, более двух тысяч винтовок, две походных кухни и многое другое.

Победа в трифоновском бою показала возросшую

силу партизанской армии Кравченко и Щетинкина, принесла ей неувядаемую славу.

С Трифоново-Новоселовской развилки партизанская армия пошла по двум направлениям: Ачинский и Тальский полки двинулись на Ачинск, Манский и Канский — на Красноярск с тем, чтобы отрезать пути отступающим колчаковцам и интервентам на Восток. В конце декабря 1919 года мы с ликованьем встретили бойцов 30-й и 27-й дивизий Красной Армии.

Славные и героические дела свершили красные партизаны на берегах Енисея: более двух тысяч километров боевых переходов, более 80 крупных боёв — таков их путь в борьбе за Советскую власть на юге Енисейской губернии.

С. Г. ШПАГИН

Артиллерия партизанской армии

29 августа 1919 года в ожесточённом бою за Белоцарск партизаны наголову разбили и уничтожили двухтысячный отряд колчаковского есаула Бологова. В числе многочисленных трофеев, отбитых у белых, были два горных орудия и снаряды к ним.

Ранним утром 30 августа А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкин вызвали меня в штаб и поручили сформировать батарею.

Взяв с собой тт. Будника, Сорокина, В. Г. Шпагина¹, ранее служивших в артиллерии царской армии, я отправился к берегу Енисея, где находились брошенные орудия. У орудий не было затворов и прицелов, около них валялись разбросанные снаряды.

Товарищи осторожно сложили в ящики снаряды, подогнали к орудиям передки, собрали батарейное имущество. Об отсутствии затворов и прицелов я доложил П. Е. Щетинкину и попросил разрешения опросить пленных. Среди пленных нашли одного батарейца, который помог разыскать затворы к орудиям. Прицелы изготовили в оружейной мастерской наши лучшие мастера во главе с Василием Масленкиным.

¹ Василий Георгиевич Шпагин — бывший рядовой партизан-артиллерист, ныне генерал-майор в отставке.

Через два дня сформировали из бывших артиллеристов батарею партизанской армии. Ее командиром назначили меня, заместителем — Будника и дали два дня для подготовки людей к боевым действиям.

Надо заметить, что орудия были старого образца с негильзовыми снарядами. Несмотря на это, бойцы освоили орудия в самый короткий срок. Пробная контрольно-проверочная стрельба из обеих орудий, проходившая в присутствии А. Д. Кравченко, П. Е. Щетинкина и С. К. Сургуладзе, показала отличную выучку артиллеристов.

Так 6 сентября 1919 года партизанская армия обрела свою артиллерию, которая поднимала боевой дух партизан и приводила в страх колчаковцев.

Вскоре нашу батарею переправили через Енисей и двинули с Тальским полком на Минусинск. Остатки недобитых в Белоцарске бологовцев, соединившись с прибывшей к ним на помощь минусинской дружиной, оказывали нам отчаянное сопротивление. В Саянских горах они заняли заранее подготовленные позиции. Выбить противника из этих укреплений поручили мне. Батарея развернулась и прямой наводкой открыла огонь по колчаковцам, уничтожая одну за другой пулеметные точки и разрушая окопы. Белогвардейцы стали отступать. В это время батальон тальцев и часть кавалерии вышли на тракт, чтобы отрезать путь врагу. Лишь немногим белогвардейцам удалось выйти из окружения.

Затем белые сконцентрировали большие силы у Думной горы, в двадцати километрах от Минусинска. Завязался бой, который разгорался все сильнее и сильнее. Партизаны залегли. Тут подошла наша батарея и сходу открыла орудийный огонь по окопам белых. Колчаковцы побежали.

Кавалерия и пехота преследовали отступающего врага, не давая ему одуматься. Противник был парализован настолько, что не смог организовать оборону города Минусинска.

Через два дня после занятия Минусинска Манский полк подошел к сильно укрепленным рубежам белых у села Городок на левом берегу Тубы. Я получил приказ немедленно отправиться с батареей на помощь манцам.

Нас встретил командир полка А. А. Гусев и, познакомив с обстановкой, распорядился выбить противника из окопов.

Местность перед Городком была ровная, без единого бугорка и ямки. Мы еще засветло засекали три вражеских пулеметных точки, а ночью под прикрытием темноты, подкатили орудия поближе к окопам противника, чтобы бить наверняка.

Как только занялась утренняя заря, артиллеристы открыли беглый огонь из обоих орудий. Первые же снаряды разорвались над окопами белогвардейцев. В ответ заработали пулеметы врага. Мы немедленно подавили две огневых точки. Колчаковцы бросились через село к переправам. Тогда артиллеристы перенесли огонь на стоявший против села пассажирский пароход, несколькими выстрелами отправили его ко дну, потом разбили паромную и лодочную переправы.

Партизаны Манского полка заняли село Городок, уничтожив сотни вражеских солдат и взяв в плен около 1500 человек. С нашей стороны в бою погибло всего 20 пехотинцев, батарея же потерь не имела.

Вернувшись в город Минусинск, я доложил командованию о проведенных боевых действиях. Руководители партизанской армии остались довольными нашими успехами.

В конце сентября батарея вместе с батальоном партизан выехала к Шалаболино. Прибыли мы туда вечером. Разведка сообщила, что в селе колчаковцев немного и с часу на час они ждут крупное подкрепление, идущее со стороны Абаканска.

На основе данных разведки командир батальона решил под покровом темноты переправить одну из рот через Тубу, незаметно обойти село, сделать засаду у дороги, ведущей в Шалаболино со стороны ожидаемого подхода белых, а остальным ротам и батарее занять соответствующие участки обороны.

Переправу через реку произвели неподалеку от Шалаболино на ранее подвезенных лодках. Как только она закончилась, до нас донеслась сильная пулеметная и винтовочная стрельба. Это колчаковцы, подъезжавшие к селу Шалаболино, напоролась на нашу засаду.

Среди беляков началась паника. Потеряв несколько человек убитыми, они бросили два пулемета, много винтовок и бежали в деревню, что находилась в семи километрах от Шалаболино.

Утром батальон повел наступление на эту деревню. Белогвардейцы укрепились на выгодной позиции: вся местность вокруг простреливалась ими. Партизанам ничего не оставалось как залечь. Артиллеристы же, установив орудия на близком от укреплений врага расстоянии, открыли огонь. Белые не сдержали нашего натиска и в панике стали отступать по направлению к Абаканску, преследуемые партизанами.

Заметив идущие к нам на подмогу роты Ачинского и Тальского полков во главе с П. Е. Щетинкиным, колчаковцы оставили Абаканск без боя и начали поспешно переправляться на левый берег Енисея под губительным огнем наших орудий. Многие белогвардейцы нашли свою смерть во время этой переправы.

Батарея принимала участие в бою у деревни Подсинее, где Канский полк и батальон Ачинского полка сдерживали врага, упорно пытавшегося переправиться на правую сторону Енисея, контролируемую партизанами.

На месте боя я встретился с командиром Канского полка К. М. Логвиновым, который рассказал об обстановке и указал месторасположение противника. К этому времени часть колчаковцев уже переправилась через основное русло Енисея и расположилась на острове за протокой. Мы развернули орудия на возвышенности, вблизи от берега протоки, и открыли огонь по острову. Колчаковцы пришли в замешательство, так как наши снаряды ложились точно в цель, нанося им большие потери.

Под прикрытием орудийного огня партизаны переправились через протоку и повели наступление на белых. Враг в полной растерянности бросился к своим лодкам и ступил на левый берег.

После подсинского боя наступила временная передышка. Мы привели в порядок боевые расчеты, дали отдых лошадям, подсчитали боеприпасы. Оказалось, что снаряды и заряды были на исходе.

Пришлось приступить к изготовлению боеприпасов

своими силами. Надо сказать, что снаряды, изготовленные специалистами в армейских мастерских, при испытании их в присутствии Кравченко, Щетинкина, Сургуладзе и командиров партизанских полков показали хорошие результаты.

Каждую минуту свободного от боев времени артиллеристы использовали для учебы. Проводили занятия по совершенствованию управления орудиями. При этом строго учитывались как успехи, так и недостатки, промахи.

В середине октября 1919 года пришел ко мне В. А. Уланов и, сообщив, что в селе Усть-Абакане, на левом берегу Енисея, концентрируются большие силы противника, попросил этой же ночью подготовить батареи.

Назавтра, вечером, наши орудия оказались на возвышенности против Усть-Абакана.

Ночь выдалась пасмурная, темная, но мы с горы хорошо просматривали село. Колчаковцы спали, не ожидая нашего появления. Понаблюдав, В. А. Уланов сказал мне: «А ну, Семен, потревожь их покой!»

Я дал команду открыть огонь. В двух местах вспыхнул пожар, в лагере врага поднялась паника, затрещала беспорядочная пулеметная и ружейная стрельба. В течение пятнадцати минут обстреляв Усть-Абакан, мы благополучно вернулись в Минусинск.

В конце ноября 1919 года партизанские полки начали наступление по всему фронту в направлении Ачинска и Красноярска.

Колчаковцы сконцентрировали большие силы в районе сел Трифоново и Комо, намереваясь прорвать наш фронт и уйти в тылы партизанской армии. Рано утром белые повели ожесточенное наступление против Манского полка, пустив в действие пушки и много пулеметов. Под прикрытием нашей батареи манцы перешли в контратаку. С фланга ударили ачинцы, с тылу на села на врага кавалерия партизан. Колчаковцы оказались в окружении и были разгромлены.

7 января наша армия вошла в г. Ачинск. На этом закончился славный боевой путь партизанской батареи.

МИНУСИНСКИЙ УЕЗДНЫЙ ОБЪЕДИНЕННЫЙ СОВЕТ В СЕНТЯБРЕ — ДЕКАБРЕ 1919 ГОДА

1. Рождение Совета

В день освобождения Минусинска, 13 сентября 1919 года, когда народ собрался на Троицкой площади. А. Г. Добрых и я подошли к руководителям партизанской армии и договорились провести на завтра общегородской митинг для избрания местной власти. А. Д. Кравченко предложил на первых порах избрать Временное самоуправление, объявив минусинцам, что городской Совет будет создан позднее на демократических началах.

14 сентября на Троицкой площади состоялся многочисленный митинг, на котором обсуждались вопросы о выборах Временного самоуправления и о самообороне города.

Открытым голосованием избрали новую власть. Председателем самоуправления города, состоящего из 20 членов и двух кандидатов, стал я, моим заместителем — Г. П. Садовский, секретарем — И. Г. Шубин.

Трудящиеся поручили нам принимать все необходимые меры по охране города и его имущества.

В тот же день состоялось организационное заседание Временного самоуправления, где с большой речью выступил А. Д. Кравченко.

В конце сентября, когда всю Затубинскую часть Минусинского уезда очистили от белогвардейцев, состоялся первый чрезвычайный съезд крестьянских, рабочих и солдатско-партизанских депутатов Минусинского уезда. На него съехалось 145 делегатов, 125 из которых являлись представителями сёл и деревень, 17 были направлены от города и 3 — от партизанской армии.¹

Съезд открыл С. К. Сургуладзе. Он же был избран

Примечание. Рукопись В. Г. Солдатова публикуется со значительными сокращениями.—Ред.

¹ «Документы героической борьбы. Сборник документальных материалов, посвященных борьбе против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918—1920)», Красноярск, 1959, стр. 297.

председателем съезда, его заместителями — я и П. П. Петров, секретарями — Бурдаков, Бахов и Матвеев.

Делегаты обсудили доклады Главного штаба армии и Армейского Совета, вопросы об организации власти, продовольственном положении, текущем моменте.¹

А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкин появились на съезде после выступления Сургуладзе. Их встретили бурными аплодисментами. Съезд выразил полное доверие Главному штабу и обещал всемерно поддерживать партизанскую армию в ее борьбе за правое дело.

При обсуждении организационного вопроса разделились на секции: организационную, продовольственную, финансовую, земельную и другие.²

Установив условия и порядок избрания в уездный Совет крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, решили избирать в него от каждой волости по три, а от города Минусинска — шесть представителей.

Пере выборы постановили проводить через каждые полгода, вознаграждение всем членам Совета определили в размере 700 рублей в месяц.³

В связи с тем, что денежные знаки колчаковского правительства не пользовались популярностью, а выпуск собственных денег налаживать было нецелесообразно, договорились ввести трудовые книжки и выплату заработной платы служащим и рабочим производить натурой: продуктами и промтоварами.

По докладу продовольственной секции в Совете создали продовольственный отдел с подотделами и со штатом работников в 13 человек.

Восстановили хлебную монополию. Все продукты, собранные посредством самообложения, сдавались в распоряжение продовольственного отдела, в фонд партизанской армии и гражданского населения. Свободно продавать продукты разрешалось только по твердым ценам. Установили нормы и порядок самообложения сельхозпродуктами. Так, если крестьянин имел хлеба от 100 до 500 пудов, то сдавал в порядке самообложения по три пуда с каждой сотни пудов. При наличии хлеба

¹ «Документы героической борьбы», стр. 297.

² «Документы героической борьбы», стр. 299.

³ «Документы героической борьбы», стр. 300.

от 500 до 1000 пудов с каждой сотни брали пять пудов и т. д. По другим видам продукции и фуражу также определяли конкретные нормы. Рабочие подвергались самообложению в размере однодневного заработка.

На основании доклада финансовой секции съезд принял решение произвести сбор податей старого оклада с крестьянства за вторую половину 1919 года и с казачества, если их имущество не подлежало конфискации, за весь 1919 год.

По докладу секции народного образования при Совете образовали специальный отдел. Обучение в школах признали обязательным и бесплатным. Поручили провести учёт наличных пособий, ремонт и восстановление школ. Делегаты высказали пожелание повсеместно устраивать народные дома, библиотеки и читальни.

В итоге работы съезд создал Минусинский уездный объединенный Совет в составе 17 человек. В него вошли следующие товарищи: Трунов Василий Нестерович — от Мало-Минусинской волости, Колобов Василий — рабочий черногорских копей из Усть-Абаканской волости, Наговицын Фёдор — Лугавская волость, Толмачев Антон — Восточенская волость, Шебанов Платон — Ермаковская волость, Дюкарев Михаил — Сагайская волость, Алексеев Архип — Тигрицкая волость, Будылин Антон — Моторская волость, Арещенко Фёдор — Кужебарская волость, Петров Сергей — Шушенская волость, Богатов Арсений — Каптыревская волость, Нелюбин — Кочергинская волость, Аленников Иван — Имисская волость, Я. Ф. Ксензов и Н. П. Курченко — от партизанской армии, Бояринцев Дементий и я — от г. Минусинска. Председателем объединенного Совета избрали меня.

В первое время работать нам было трудно. Белые неоднократно пытались взять Минусинск. Однажды завязался бой в двух километрах от города, в другой раз Минусинск подвергся артиллерийскому обстрелу с горы Самохвал. Среди обывателей распространялись панические слухи. Многие горожане, особенно представители интеллигенции, не верили в окончательное установление Советской власти, и не решались работать в её органах. Из служащих согласился работать в Совете один тов. Киселев. На него, квалифицирован-

ного бухгалтера, была возложена вся плановая и финансовая работа Совета.

После чрезвычайного крестьянского съезда мы развернули большую работу по мобилизации добровольцев в ряды красных партизан. Во всех волостях стали создаваться партизанские отряды, которые вливались в армию Кравченко и Шетинкина. Возник, в частности, Кизирский полк во главе с тов. Баталовым, членом партии большевиков с 1917 года.

Я. И. Пшибильский, Я. И. Глодик и другие товарищи по решению партийного комитета находились в рядах красных партизан и проводили там политическую работу. В. Я. Жданова послали в Красноярск для установления связи с губернским подпольным комитетом и получения директивных указаний.

2. Хозяйственная и культурно-массовая работа Совета

Большевистское влияние и руководство в партизанском движении обеспечивалось правильной расстановкой партийных сил. Так, П. Е. Шетинкин — член партии большевиков с марта 1918 года занимал пост заместителя главкома и одновременно командовал Ачинским полком. Большевиками являлись оба его помощника по полку В. А. Уланов и Е. Т. Марутко, начальник штаба Я. С. Замураев, командиры батальонов В. Загуменный, Я. Е. Чемуров, И. К. Лабецкий, Парамонов и другие.

Тальским полком командовал коммунист А. М. Марченко. В его полку большевиками были председатель полкового Совета Иван Накладов, командир батальона С. К. Кочетов и другие.

Большевиками являлись командиры полков: Канского — Кузьма Логвинов, Манского — Василий Гусев, пулеметного — Константин Пуляев, а также член Главного штаба Михаил Савицкий.

Членами партии были руководители партизанских отрядов, присоединившихся к армии Кравченко и Шетинкина летом и осенью 1919 года, К. И. Матюх, Н. И. Темеров, П. Л. Лыткин, Я. И. Пшибильский, Я. И. Глодик и другие.

Во главе Армейского Совета стоял видный коммунист С. К. Сургуладзе.

Таким образом, большевики в партизанской армии Кравченко и Щетинкина занимали командные и руководящие посты, проводили правильную партийную линию и в решающие моменты давали достойный отпор всем пронкам врагов Советской власти.

Быстрый рост партизанской армии требовал все больших усилий, оперативности и находчивости в ее снабжении. Когда появилась нужда в белье, мы обратились за помощью к населению. Горожане, имевшие швейные машины, охотно отзывались на наш призыв, приняли заказы и обеспечили белье всех партизан.

Минусинский край являлся зерновым и животноводческим районом. В ту осень огромное количество сельхозпродуктов осталось не вывезенным. Это давало возможность крестьянам аккуратно выполнять свои обязательства по самообложению и делать дополнительные жертвования в фонд разгрома колчаковцев.

В работе уездного Совета возникало немало трудностей. Из-за нехватки сырья с большим трудом приходилось налаживать работу промышленных предприятий. Город испытывал сильный голод в топливе. Угольные копи, расположенные на левой стороне Енисея, находились пока в руках у белых. Заготовленного леса сохранилось мало, и этот запас не мог удовлетворить даже минимальных потребностей. К тому же город остался без транспорта: белые, удирая от партизан, увели почти всех лошадей. Горожане вынуждены были носить дрова из лесу на себе.

Минусинск оказался без света. Маленькая вильнеровская электростанция обеспечивала светом только учреждения, госпитали и некоторые промышленные предприятия. В домашних условиях пустили в ход сальники и лучину.

Население испытывало большой недостаток в мануфактуре. Пришлось вернуться к старине — установить выброшенные домашние ткацкие станки, прялки и кустарным способом производить холст.

Появилась эпидемия сыпного тифа. Борьба с ней осложнялась отсутствием медицинского персонала, медикаментов, белья и больничных коек.

Несмотря на большие трудности, мы открыли городскую библиотеку, музей, общеобразовательные школы, школы для взрослых, пункты по ликвидации неграмотности, клуб. Создали кружок любителей театра. Душой этого кружка являлась жена главкома Зинаида Викторовна Кравченко. Она хорошо разбиралась в театральном искусстве и в первое время взяла на себя обязанности режиссера. Охотно и терпеливо занималась Зинаида Викторовна с нами, малограмотными молодыми людьми. Потом появился новый режиссер — фельдшер тов. Шантаров, имевший пятидесятилетний стаж работы на сцене. Среди самодеятельного коллектива оказались люди, ранее выступавшие в театре в качестве любителей. Например, В. Шукин — секретарь Ачинского полка, Хася Ханина — горожанка. Мы ставили такие пьесы, как «Без вины виноватые» А. Островского и другие. Роль Кручинной в этой пьесе исполняла З. В. Кравченко, а Незнамова играл я. Судя по отзывам, у нас получалось неплохо. Выступали бесплатно. Желающих смотреть наши представления всегда бывало много.

В рабочих коллективах систематически проводились беседы на политические и другие темы. Интерес к текущим событиям был огромный: все хотели скорейшего разгрома белых и прекращения войны. Наряду с этим мы часто проводили общегородские массовые митинги.

В связи с большими все более усложняющимися задачами в хозяйственной и культурно-массовой работе возникла необходимость созыва очередного съезда Совета.

О сроках его проведения мы договорились с Главным штабом и Армейским Советом.

IX-й крестьянский съезд Минусинского уезда работал с 20 по 30 декабря 1919 года. От 32 волостей уезда съехалось 459 делегатов. Президиум съезда избрали из трех человек: С. К. Сургуладзе — председатель, В. Г. Солдатов — первый заместитель председателя, Кузьма Шелестов — второй заместитель, секретарями стали Попова, Дунайцева, Алексеева, Кривова и Орещенко.

Обсуждали следующие вопросы: 1) Текущий момент (докладчик П. П. Петров), 2) Отчет президиума Минусинского объединенного Совета (докладчик В. Г. Солдатов), 3) Доклады отделов Совета и выступления с мест, 4) Работа секций.

От имени партизанской армии съезд приветствовал

главком А. Д. Кравченко. Его появление на трибуне делегаты встретили аплодисментами и возгласами «ура!». Все встали и запели «Интернационал». Создалась особо торжественная обстановка единения рабочих, крестьян и партизан.

IX съезд проходил очень активно, с революционным подъемом. Секции составили обстоятельные инструкции о деятельности отделов и подотделов Совета, которые были тут же утверждены. Делегаты единогласно выразили полное доверие Российской Советской Республике, партии большевиков и Красной Армии, освобождавшей Сибирь от колчаковских полчищ, и торжественно обещали делать все необходимое, чтобы партизаны и воины рабоче-крестьянской Красной Армии не нуждались ни в чем.

Съезд запретил всякий произвол и насилие одной личности над другой, потребовал беспощадно карать такие действия. Были намечены важные мероприятия по упрочению Советской власти в Минусинском уезде. Участники съезда разъехались по домам с полной уверенностью в скорой победе над колчаковщиной.

Никогда не забыть мне один случай. В декабре 1919 года, когда начались сильные морозы, меня вызвали в Главный штаб. Главком А. Д. Кравченко при встрече со мной снял с вешалки огромный тулуп и надел на мои плечи. Все присутствующие засмеялись, а Александр Диомидович сказал:

— Председатель Минусинского Совета ходит в старой солдатской шинели, и нам стыдно, что партизанская армия не обеспечила его приличной верхней одеждой.

Я стал отказываться от тулупа, так как не имел денег, чтобы заплатить за такую дорогую вещь. Но Кравченко под аплодисменты своих товарищей объявил:

— По решению Главного штаба и Армейского Совета этот тулуп преподносится вам на вечное пользование безвозмездно.

Ничего не оставалось, как поблагодарить за дружескую заботу и принять подарок.

Когда реки покрылись сплошным льдом, партизанская армия перешла на левый берег Енисея и двинулась на колчаковских карателей. У с. Трифоново партизаны разбились на две колонны и пошли в сторону Ачинска и Красноярска.

4 января 1920 года на линии Ужур-Медведское партизаны Кравченко — Щетинкина встретились с частями Красной Армии.

Минусинский объединенный Совет передал власть революционному комитету до следующего уездного съезда. В ревком были избраны Кашников, Сургуладзе, Глухих, Каулин.

С. К. Сургуладзе в ревкоме стал заведовать административным, а я — информационно-инструкторским отделом.

Ф. В. ГОМОНОВ

В РЯДАХ ПАРТИЗАН

Я родился в г. Петрограде. Отец мой работал на заводе и умер, когда мне было семь лет. Мать с четырьмя детьми приехала в Сибирь, в деревню Успенка Абаканской волости. Одиннадцатилетним мальчишкой я пошел батрачить.

В начале 1917 года меня взяли в царскую армию и отправили на фронт. Летом того же года, при отступлении от города Риги, был ранен. Подлечившись в госпитале, приехал домой в отпуск.

В августе 1918 года меня мобилизовали в колчаковскую армию и привезли в г. Минусинск. Когда я понял, что должен убивать своих же мужиков, сразу сбежал в Хакасию. Попал в улус Сапогово и здесь скрывался в течение всей зимы.

В конце марта 1919 года я пробрался домой, но через несколько дней колчаковцы меня арестовали. Привезли в Абаканск и втолкнули в холодное помещение, в котором просидел я две ночи. К началу третьего дня рядом со мной оказался товарищ по несчастью — житель деревни Большой Телек. После откровенного разговора он назвал себя большевиком.

Ночью нас выгнали на улицу и погнали по направлению к Минусинску. Ночь была темная. На горе Туран, когда пошел березняк и рвы, мы совершили побег. Через шесть дней добрались до деревни Козино Каратузской волости, где встретили партизан Кравченко и Щетинкина. Я попал в первый эскадрон Манского полка.

Из деревни Козино батальон направился в село Ка-

ратуз, куда въехали без боя, затем взяли село Ермаковское и остановились там ночевать. Охрана села на ночь была поручена Ивану Богану, но он допустил халатность, и мы оказались в окружении казаков и понесли людские потери. Отбив атаку казаков, утром двинулись по Усинскому тракту на Белоцарск.

Когда шли на Белоцарск, на нас часто наскakивали белые. На реке Ус каким-то путем они обошли нас и напали с левого берега. Но партизаны сумели прижать к реке белых так, что многим из них пришлось бросаться в воду со скал, а большинству сдаваться.

Из Белоцарска вернулись в Минусинск 13 сентября 1916 года и заняли его почти без боя. Наш полк послали на село Городок, где произошел большой бой со значительными потерями для белых.

Манский полк под командованием П. Е. Щетинкина, форсировав реку Тубу, пошел в Бузуново. Бузуновские казаки оказали большое сопротивление, но не выдержав нашего натиска, подожгли село, хлеб в скирдах и бежали.

В последних числах сентября мы освободили Абаканск, а затем и село Беллык. Взятием этого населенного пункта завершили очистку правой стороны Енисея от колчаковцев. После этого Манский полк переправился на левый берег Енисея и занял деревни Абакано-Перевозинскую, Сухую Тесь и Усть-Ербу.

В селе Батени белые приготовились к встрече с нами. Перед наступлением командование полка послало один батальон в обход через Знаменку, чтобы нанести противнику удар с тыла. Командир нашего батальона Иван Лукашевич не стал ждать, когда совершат обход, и повел нас в бой напрямик. Это, конечно, могло привести к большим потерям, если бы несвоевременно подоспевшая помощь. В решительный момент обходной батальон ударил с тыла и белых выбили из села Батени.

Хорошо организовали взятие села Новоселово. Наши части окружили его со всех сторон, и белые безоговорочно сдались. Дальше мы пошли на деревню Брагино, которую следовало брать с протоки, а комбат Лукашевич дал приказ наступать в лобовую. На сей раз наша атака провалилась: противник, как мы ожидали, встретил партизан сильным огнем. Пришлось отступить на

исходные позиции. К счастью, казаки не стали ждать нашей второй атаки и покинули деревню Брагино, о чем мы не знали.

На второй день командир полка В. И. Гусев отправил меня и еще двоих разведчиков в Брагино, узнать, что там происходит. Когда мы въехали в деревню, нам сообщили, что в один из домов заехало обедать 18 белогвардейцев. Мы сперва хотели вернуться к своим, но потом приняли дерзкое решение втроем обезоружить эту группу. Приказали одному крестьянину ворваться в дом белых и крикнуть, что их окружили 30 партизан. Как только крестьянин это сделал, мы с гранатами и наганам в руках влетели в дом и обезоружили белогвардейцев. Взяли у них 18 винтовок, несколько наганов и около двух пудов патронов, а самих передали В. И. Гусеву.

В селе Назарово мы встретились с частями Красной Армии, и нас распустили по домам.

В. Д. КОРОЛЕВ

ОСВОБОЖДЕНИЕ РОДНОГО КРАЯ

Я из села Вослегово Рязанской губернии. Отец служил кондуктором на железной дороге. Семья у нас была большая.

Окончив трехклассную школу, я пошел трудиться. Пас скот, работал учеником-жестянщиком, посудомоем в трактире, разлищиком фруктовых вод, варщиком сиропа и рабочим по ремонту, возчиком грузов на трех лошадях у фабриканта Лямина в Подмоскowie.

В 1916 году был взят в солдаты и оказался под городом Тернополем. В феврале 1917 года нам сообщили, что свершилась революция и царь отрекся от престола.

В это время на фронте солдаты стали узнавать из большевистской газеты «Окопная правда», что война народу не нужна. Офицеров, призывавших солдат на митингах: «Вести войну до победного конца», стаскивали с трибуны. Другим, говорившим: «Долой войну, да здравствует мир», аплодировали и кричали громкое «ура!».

В январе 1918 года я заболел и попал в лазарет. По-

том, получив отпуск, поехал на отдых к отцу, который в это время уже жил в Сибири, в селе Строганово Минусинского уезда.

В июне контрреволюция захватила власть в Минусинском уезде. Руководителей Совета арестовали и бросили в тюрьму. В этот год в хозяйстве отца делать было нечего. Все, что посеяли, съела саранча, и наша семья осталась без хлеба. Мне и брату пришлось идти на заработки. До лета 1919 года батрачил я в станице Бузуново.

В июне мне и брату принесли повестки о призыве в колчаковскую армию. Отец болел, семья голодала. Мы решили подать заявление, чтобы меня по семейным обстоятельствам оставили дома. Продал я гармонь, часть одежды и поехал в Минусинск нанимать присяжного поверенного. Из этой затеи ничего не вышло. Тогда я обратился к адвокату и прошел комиссию. Врачи осмотрев меня, заявили, что я «болен желтухой», и отправили домой. В деревне находиться было опасно, так как староста и писарь настойчиво требовали документы об освобождении от службы в армии, которых у меня не было.

Посоветовавшись с родителями, я решил уйти в партизаны. Пробрался в отряд П. Е. Щетинкина, находившийся за Ермаковском. Зачислили меня во второй батальон Манского полка к товарищу Липатскому, а полком командовал В. И. Гусев.

В сентябре 1919 года наш полк вошел в Минусинск. В доме Вильнера организовали мастерскую по изготовлению патронов и пуль; достали из реки трехдюймовое орудие. Силы наши росли. Население к партизанам относилось доброжелательно, помогало транспортом и продовольствием. Ачинский, Тальский и Манский полки скоро стали грозой для противника.

Белые запросили поддержки из Красноярска. Оттуда послали отряд белочехов, который, поднявшись на пароходе до Сорокино, почему-то повернул обратно.

Наш полк из Минусинска пошел на село Бедра, другие — на села Комарково, Быстрая. В селе Бедра мы дали небольшой бой, затем направились на деревни Маяки и Патрошилово, которые взяли без боя. В селе Городок белоказаки перед нашим появлением получили

подкрепление — хорошо вооруженных новобранцев и пушки. Они вырыли вокруг села окопы.

Наш штаб разработал план захвата села Городок. Решили в ночь на 21 сентября окружить и взять село штурмом. Помнится, ночь была тихая и теплая, а местность перед селом чистая, открытая. За селом Городок протекала река Туба. Туда командование послало 16 человек с заданием пробраться по скале к парому и обрубить канат, чтобы отрезать белым путь к отступлению.

Мы наступали со стороны сел Бедра и Гора Чугунная. Первая группа незаметно подползла близко к позициям колчаковцев. По залпу, данному с парома, вторая группа открыла стрельбу по противнику. В ответ он начал вести огонь из своих орудий. Мы засекали вражеские огневые точки и, подавив их массированным огнем, ворвались в окопы.

Пехота белогвардейцев в панике побросала оружие и сдалась в плен. Конница кинулась к переправе, но паром к этому времени уплыл, и белые стали бросаться в воду. Спасти удалось лишь тем, кто имел хороших коней и сумел переплыть Тубу. К утру Городок освободили. В плен взяли около тысячи белогвардейцев и много разного оружия. Пленных солдат отпускали домой или по их желанию зачисляли в партизанские отряды.

В конце сентября 1919 года наш батальон ночью вошел в село Шалаболино. Тихо, без шума снял заставу противника, сделал засаду и стал ждать новую смену. Когда смена пришла, мы, подпустив ее поближе, открыли по ней огонь из винтовок и пулеметов. Несколько человек сразу свалились с коней, а остальные бросились кто куда. В это время белоказакам везли боеприпасы. Возчики с охраной, заметив нас, побросали телеги и разбежались, а мы захватили весь груз: патроны, ленты к пулеметам и гранаты.

Отступающего противника наш батальон преследовал до сел Ивановка — Байтак — Пустынь — Бузуново. В селе Бузуново мы им навязали небольшой бой, но они не стали сопротивляться и поспешно отошли на левую сторону реки Енисей. Тогда мы пошли на деревню Дмитриевка. В бору, возле Абаканска, разгромили отряд белоказак, остатки которого бежали за реку Енисей в деревню Абакано-Перевозинск.

Возле деревни Подсинее, у переправы через Енисей, белые решили задержать нас. Для этого они бросили к реке Туба небольшой отряд и одну батарею. Замысел врага быстро разгадали. Наш батальон срочно перебросили к Минусинску под непосредственное командование П. Е. Шетинкина. Он расположил нас в бору так, что белые не предполагали о нашем появлении в этих местах. Они начали переправу с левой стороны Енисей. Большинству из них мы позволили переправиться на правый берег, а потом открыли ураганный огонь в лоб и с флангов. Конница белых бросилась с высокой горы прямо в холодную воду реки. Одни утонули вместе с лошадьми, другие сдались в плен.

В октябре мы двинулись в село Ивановку. По пути встретили отряд казаков, который преследовал наш эскадрон километров двадцать. У села Байтак нас разделили на две группы: одна пошла в сторону деревни Моисеевки, другая — на деревню Пустынь. Казаки, узнав, что мы заходим к ним в тыл, начали отступать. Манский полк, преследуя белых, переправился через Тубу и буквально, как говорится, на плечах врага влетел в станицу Бузуново и также без боя занял село Абаканск.

В конце ноября нам сообщили, что белые перешли на правую сторону Енисей, сняли нашего часового и подожгли деревню Байкалово. Мы из Абаканска на лошадях через крутую лесистую гору быстро пришли на помощь байкаловцам, выгнали белоказачков из деревни, а пожар потушили.

В половине декабря в селе Кульчени появился карательный отряд белых. Отряд самообороны этого села выступил против них, но будучи плохо вооруженным, своими силами не смог отразить нападение. Получив эту весть, кавалеристы нашего батальона выехали в село Кульчени и разгромили непрошенных гостей.

В конце декабря белоказачки, удирая от нас, расположились в таежной деревне Хламенки, что на реке Убей. Соседняя деревня Устуг также была занята белыми. Рано утром мы доехали до деревни Малиновка и отсюда с помощью проводника спустились в долину реки Убей и, встретив белых, дали им бой. Они попали под двойной огонь и понесли большие потери.

Оставив отряд самообороны в Хламенках, мы уехали в село Кома, где соединились с первым батальоном

Ачинского полка. Утром 26 декабря нас подняли по тревоге. Сообщили, что белые идут в наступление и обстреливают из орудий села Кому и Трифоново. Наш батальон двинулся навстречу белоказачкам, ачинцы поднялись на гору. За селом Кома противник залег. Зарывшись в снег казаки стреляли куда попало и кричали нам: «Сдавайтесь!»

В ответ началось наступление партизан. Наш эскадрон стал преследовать отступающую конницу белых. Мы ворвались в расположение пехоты противника и моментально ее смяли. Молодые белоказачки подняли плач, пожилые просили не расстреливать их. Нам было не до них. Манский полк развивал наступление на село Новоселово. С пленными поручили разобраться ачинцам.

В Новоселово партизаны захватили шесть вражеских орудий, а в соседнем селе — медицинский обоз со всей обслугой и пять походных кухонь. В этих двух населенных пунктах мы пленили более тысячи белых солдат и офицеров.

Через несколько дней Манский полк без единого выстрела взял село Ужур. Колчаковские солдаты, расквартированные в этом селе, забрались в казарму и ждали прихода партизан, их офицер перед нашим появлением бежал со своим кучером. Попав за селом под обстрел красных, офицер стал ругать ямщика и требовать гнать лошадей быстрее. А тот, мужик, смекалистый и не трусливого десятка, выбрал момент, навалился на офицера, связал ему руки, покрепче придавил его, привез в Ужур и сдал в наш штаб.

Манский полк из Ужура пошел обратно, в сторону Идры. Подразделения полка расположились в селах Пермьяки, Никольское, Каратуз и Березовка. Позднее командование решило идти в сторону г. Ачинска, чтобы преградить путь белым, отступающим под ударами Красной Армии.

Мы встретились с частями Красной Армии, шедшими в г. Минусинск, в селе Медведское.

В Ачинске многих наших партизан зачислили в ряды Красной Армии. Я же по семейным обстоятельствам решил демобилизоваться.

В апреле 1920 года, приехав в село Строганово Минусинского уезда, по поручению укома начал знакомить

крестьян с политической и военной обстановкой в Сибири.

В мае, когда в уезде проводились выборы в сельревком, меня избрали его председателем. Взятая за дело. Вначале было трудно. В стране шла еще война с контрреволюцией и интервентами. Для фронта требовались хлеб, мясо, овощи, а зажиточная часть населения сопротивлялась продрозверстке. Опираясь на бедноту, ревком выполнял задания по заготовкам. Отобрав у кулаков землю, мы разделили ее среди бедняков и середняков, выделяли нуждающимся семена на посев.

Весной 1921 года я избирался председателем комитета бедноты, а потом работал счетоводом-бухгалтером сельского товарищества.

В. С. ЮМАШЕВ

КОМИССАР ПАРТИЗАНСКОЙ АРМИИ С. К. СУРГУЛАДЗЕ

Сергей Константинович Сургуладзе — боевой комиссар гражданской войны в Сибири, председатель Армейского Совета армии Кравченко—Щетинкина.

В 1900 году, окончив в Грузии Озургетское городское училище, С. К. Сургуладзе устроился писарем земской управы в Земохети. Трудолюбивый, общительный, с пытливым умом, Сергей высмеивал ханжество чиновников земства, горячо сочувствовал простому народу, угнетаемому князьями, кулаками и помещиками. Он быстро сошелся с местными большевиками, которые вели подготовку к вооруженному восстанию против царизма.

В течение длительного времени большевики Закавказья под непосредственным руководством Серго Орджоникидзе собирали оружие, готовили командиров и руководителей к вооруженной борьбе. В 1905 году вспыхнуло известное гурийское крестьянское восстание.

На улицах Земохети появились ораторы. Сергей Сургуладзе внимательно вслушивался в каждое их слово. Однажды на митинге один из таких ораторов начал призывать к мирным переговорам с царем. Сергей, бросив гневный взгляд на соглашателя, выступил с речью:

— С царем можно говорить только языком оружия.

Никаких сделок! — сказал он. — Кто хочет свободы, беритесь за оружие!

Гурийские крестьяне, угнетаемые местными князьями и царскими чиновниками, поддержали призыв Сергея Сургуладзе.

Все шло хорошо, люди готовились к решительным боям. И тут кто-то их предал. В январе 1906 г. нагрянула жандармерия и провела аресты членов революционной организации. Бросили в застенок и Сергея Сургуладзе. Возникло следственное дело под названием: «Гурийская республика».

— В 1903—1905 годы, — вспоминал позднее С. К. Сургуладзе, — примыкая к революционной молодежи, я еще не являлся коммунистом, не был знаком с программой партии. Действовал так, как подсказывало сознание.

Восьмимесячное пребывание в тюрьме послужило для Сергея большой школой. Здесь сформировалось его большевистское мировоззрение.

Освободившись в конце 1906 года из тюрьмы, он приехал в Самтредиа, где вступил в ряды РСДРП (б) и начал вести партийную работу. Однако развернуть свои способности в полную силу ему не удалось, так как в 1907 году его снова арестовали. Содержался он в кулаиской, батумской и одесской тюрьмах. В марте 1909 года одесской судебной палатой С. К. Сургуладзе был приговорен к четырем годам каторжных работ и на пожизненное поселение в Сибирь.

Тяжелый переход по этапу от Одессы в Сибирь не сломили волю революционера. Ноги его ныли, на руках не успели зажить раны, натертые кандалами, а он уже пытался совершить побег с места ссылки. Но полиция, под надзором которой он находился, задержала его в пути следования. В 1910 году после двухмесячного содержания в красноярской тюрьме С. К. Сургуладзе направили на поселение в село Кежму.

— Это было тяжелым испытанием, — вспоминал Сергей Константинович, — Кежма находилась далеко от железной дороги, не имела ни одного промышленного предприятия, никаких учреждений. Единственным моим заработком мог быть батрацкий труд в кулацких хозяйствах. Мне посчастливилось. Я устроился молотобойцем

к кузнецу, который оказался наредкостью добрым человеком.

Прошел первый год империалистической войны. На местах, в сельских канцеляриях не хватало грамотных людей, ощущалась запущенность учета. Власти разрешили политссыльным перемещаться в пределах Енисейской губернии и занимать некоторые должности. Воспользовавшись этим, С. К. Сургуладзе в конце 1915 года переезжает поближе к железнодорожной магистрали, в Уярскую волость, и получает назначение на должность писаря деревни Сушенка.

Граматику русского языка он хорошо изучил еще в Озургетском училище, а вот устно объяснялся с трудом. На второй день писарь пришел на вечеринку сушенской молодежи.

— Камарджеба, геноцвали! — произнес он, переступая порог, но сразу же поправился и сказал по-русски: — Здравия желаем вся честная народы!

Появившиеся улыбки на лицах молодежи его не смущали. Сняв тулуп и высоченную папаху, он стал знакомиться.

— Серго Сургуладзе, писарем будэм работать у вас.

На вечеринке сторонним наблюдателем Сергей оставался лишь некоторое время. Исполнив под русскую плясовую стремительный кавказский танец, он принялся за обучение присутствующих забавным и увлекательным массовым играм, которых знал много.

Со временем, познакомившись с сушенской молодежью, политкаторжанин начал политическую пропаганду.

Новый писарь не проходил мимо и пожилых людей. Часто случалось так, где находился Сергей Константинович, там собирался народ, где собирался народ, туда шел он сам. Своим трудолюбием, бескорыстием, трезвым образом жизни и отзывчивостью он заслужил всеобщее уважение сушенского населения. Эти его качества были оценены и взяты во внимание и волостным правлением. Сургуладзе предложили принять для обслуживания две соседние деревни: Новомихайловку и Луково — на что он охотно согласился. Авторитет его возрос еще больше.

Февральская революция захватила С. К. Сургуладзе в должности писаря трех деревень. Получив сообщение

о свержении царя, он известил своих старост следующим образом:

— Царский трон, расшатанный мозолистыми руками рабочих и крестьян, рухнул, но революция только началась, так как к власти пришла буржуазия. От князя Львова и Родзянко свободы ожидать бессмысленно. Мы добьемся своего лишь тогда, когда к власти придут рабочий класс и крестьянство.

Сергей Константинович решил вернуться на родину — в Грузию. Чтобы получить проездные документы, он прибыл в Красноярск. В Енисейском губкоме партии ему порекомендовали остаться в Сибири. Вместо проездных документов С. К. Сургуладзе получил назначение в Канск комиссаром 2-го участка милиции с резиденцией в селе Большая Уря.

В сентябре 1917 года автор этих воспоминаний возвратился из Минска и был приглашен Сергеем Константиновичем в гости. В первых числах октября я приехал к нему в Большую Урю и дома его не застал. Он оказался на крестьянском собрании, и я направился туда. Приняв его за представителя власти, крестьяне спрашивали:

— Почему Временное правительство не созывает Учредительного собрания?

— Потому, что оно является буржуазным, — отвечал он. — Оно должно уступить место постоянному народному правительству. Нынешнее правительство не даст народу ни земли, ни свободы.

Еще вопрос:

— Ну, а ежели состоится Учредительное собрание, то за какой список следует голосовать?

— За большевиков! — кратко сказал Сургуладзе. — Это единственная партия, которая на деле стоит за интересы трудящихся, объединяет их и ведет революционную борьбу против всех эксплуататоров.

В тот же день Сургуладзе получил письмо от друга по каторге Гетоева, который сообщал, что в Канске и Красноярске полным ходом идет подготовка к социалистической революции. Он рекомендовал усилить работу в районах сельской местности. Спустя двое суток приехал Коростылев, бывший политкаторжанин.

Мне стало ясно, что мы находимся накануне боль-

ших событий. По предложению Сергея Константиновича я вступил в ряды милиции.

Весть о победе Октябрьской социалистической революции вызвала у трудящихся Канского уезда чувство большой радости. Контрреволюционные элементы настолько были ошеломлены, что не могли в первое время серьезно сопротивляться. Большевики сформировали Канский уездный Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Председателем Совета избрали Николая Ивановича Коростылева, начальником уездной милиции назначили Моисеенко, командиром Красной гвардии — Х. Гетоева, а С. К. Сургуладзе оставили в должности комиссара милиции 2-го участка.

В ноябре наш отряд милиции вместе с Красной гвардией принимал участие в обезоруживании казачьих частей, не признавших власти Советов. Срывая погоны с офицеров, Сургуладзе с гневом их спрашивал:

— Где же, кацо, человеческая гордость? До каких пор вы будете холопами буржуазии?

Но гнев быстро проходил, и Сергей снова улыбался. Действия его всегда были быстрыми, решительными, продуманными и классово заостренными.

Вот мы получили сообщение, что в селе Тасеево убита семья активиста-комбедовца. Отряд милиции во главе с Сургуладзе выехал на место происшествия. Убийство было зверским. Преступники орудовали топорами и ножами, детей головами били о стены. С помощью местных жителей нам удалось напасть на след головорезов. Организатором и руководителем злодейского убийства оказался сын крупного кулака, член партии эсеров. Больших трудов стоило нам удержать население Тасеево от самосуда. Приговор о расстреле злодеев вынесли на общем собрании, и Сургуладзе тут же привел его в исполнение. Такая же участь постигла эсеро-анархистствующих элементов за самосуд над крестьянином Дрозд в селе Александровка и за убийство двух милиционеров в селе Хайдак.

В результате принятых революционных мер в южной части Канского уезда быстро восстановили порядок. Действия советского комиссара С. К. Сургуладзе одобрили руководящие органы уезда и губернии. Для лучшей оперативности его резиденцию перевели в поселок Камала.

В феврале 1918 года в наш отряд назначили вторым комиссаром по строевой части и помощником Сургуладзе прапорщика Александра Наумова, члена партии эсеров.

Вскоре начали поступать с востока и запада тревожные вести о кулацких мятежах и интервенции международной контрреволюции. В последнюю майскую ночь 1918 года с помощью белочехов контрреволюционеры совершили переворот в Канске. 3 июня в штаб милиции Камалы явились эсеры — начальник железнодорожной станции Голубев и прапорщик Наумов. Они зачитали депешу белогвардейского командования о низложении власти Советов в Канске, Иркутске и других городах Сибири и от имени партии эсеров предложили сдать оружие. Прапорщик Наумов, обратившись к милиционерам, заявил:

— Власть Советов, которую нам довелось охранять, как и следовало ожидать, оказалась несостоятельной. Поэтому, внемля здравому смыслу, я первый слагаю оружие и прошу последовать моему примеру.

Сказав эти слова, Наумов торжественно положил на стол свою винтовку, шашку и револьвер.

К удивлению Наумова, милиционеры, окружили его тесным кольцом и не последовали за ним. Сургуладзе в это время стоял в стороне, держа руку в кармане, в котором лежал запасной пистолет. Все знали, что эта поза нехороший признак для противника.

Эсеры переглянулись между собой. Наумов хотел взять со стола револьвер, но его руку задержал милиционер Носков. Голубев попытался уйти — ему преградили выход. Сургуладзе молчал. Было видно, что он обдумывал какое-то решение. Наконец, Сергей Константинович, хитро прищурился, глаза, сказал:

— Вы, оказывается, добрые люди, жизнь нам даруете. Как же не подумали о своей? По закону положено изменников расстреливать. На этот раз мы вам даруем жизнь. Думаем, что вы искупите свое предательство делом. Идите, господа!

Милиционеры расступились, эсеры робко пошли к выходу, ожидая выстрела в затылок. За дверь они вприпрыжку побежали к станции.

После падения Советов С. К. Сургуладзе привел свой отряд на станцию Клоквенная и соединился с частями

Красной гвардии, прибывшими из Красноярска. Штабом красногвардейцев он был назначен политическим комиссаром клюквенской группы Красной гвардии, а затем — командиром заградительного отряда и направлен на Рыбинское шоссе, где его люди организовали засаду и разгромили казачью полсотню.

18 июня 1918 года белочехи повели решительное наступление. Командир Красной гвардии Василий Алексеевич Уланов приказал отступать. Погрузив в два эшелона своих бойцов, он выехал в Красноярск, по неопытности не выслав вперед разведки. Между тем батальон белочехов ночью разобрал пути, и оба эшелона потеряли крушение.

С. К. Сургуладзе со своим заградотрядом оказался отрезанным. Получив донесение об отступлении, он повел своих людей на Красноярск, надеясь соединиться с частями Красной гвардии. При подходе к городу ему стало известно, что Красноярск с 18 июня занят белыми. В такой обстановке Сургуладзе принял решение распустить отряд и перейти на нелегальное положение.

На сушенских полях С. К. Сургуладзе появился в первой половине июля. Я его, истощенного и большого, нашел около куста. Тут же рассказал о том, как сушенцы вооружались и как потом сдали часть винтовок. Сергей, гневно глядя на меня, забыв о предосторожности, закричал:

— Разве можно в такое время отдавать оружие! Что вы, кацо, сделали? Это безобразие! Мы должны немедленно начать подготовку к вооруженному восстанию!

Сушенцы и раньше хорошо относились к С. К. Сургуладзе. Теперь они оберегали его, предоставляли убежище, то в полевых избушках, то в своих домах. Как ни охотились за ним каратели, все было тщетно. Однажды сам прапорщик Наумов сделал налет, чтобы поймать Сургуладзе, но ничего не добился.

В сентябре 1918 года мы решили создать повстанческую организацию. Мне поручили провести подготовительную работу с молодежью, а Сургуладзе — с мужчинами, прошедшими военную службу. Через некоторое время мы созвали собрание, где оформили создание революционной организации, в которую первоначально вошли 40 человек. На втором собрании перед членами организации поставили задачу собирать оружие, присту-

пить к работам по взлому и разбору железнодорожного полотна, начать подготовку жителей Сушенки, Ново-Михайловки, Луково и других деревень к восстанию против колчаковского режима.

Наша попытка наладить связь с подпольными организациями городов Красноярска и Канска не увенчалась успехом, но зато мы установили хорошие контакты с сельскими большевиками.

Ноябрь 1918 года ознаменовался замечательными событиями. Почти одновременно вспыхнуло два восстания — в Минусинске и в Степно-Баджейской волости Красноярского уезда. Приводя своих людей в боевую готовность, Сургуладзе стал ждать от Красноярского комитета партии сигнала к выступлению. Он не сомневался, что крестьянство, испытав казачью плеть на своей спине, уже готово поддержать восстание против белых.

Из достоверных источников стало известно, что ноябрьское минусинское крестьянское восстание потерпело поражение, а Степно-Баджейское восстание развивалось успешно. Вести об этом быстро дошли до нас, в Сушенку. С. К. Сургуладзе во главе отряда численностью около 40 человек совершал налеты на воинские эшелоны, следующие по железной дороге. С получением известия о перовском восстании, он со своими людьми вступил в Канский партизанский отряд А. В. Александрова.

В первом же бою в районе села Ной Сургуладзе проявил дерзость и отвагу. В ходе наступления он обнаружил пулемет белых, расположенный в огороде. В то время этот вид оружия представлял грозную силу. Рискуя жизнью, Сергей побежал прямо на пулемет, увлекая за собой товарищей. В этом бою белогвардейцы были полностью разбиты, лишь немногим офицерам удалось спастись бегством.

В начале марта 1919 года на первом армейском съезде Сергея Константиновича Сургуладзе, как общительного, чуткого товарища, политически зрелого человека, избрали председателем Армейского Совета партизанской армии. В этой должности он бесценно прослужил до соединения партизан с регулярными частями Красной Армии, т. е. до января 1920 года.

Армейский Совет осуществлял политическое и административно-хозяйственное руководство повстанческой

армией. На этом посту Сергей Константинович проявил хорошие организаторские способности.

В начальный период партизанского движения наши отряды довольствовались за счет пожертвований населения. К февралю 1919 года, когда партизанская армия выросла до трех тысяч человек, такую массу людей одними жертвованиями прокормить стало невозможно. Поэтому, изыскивая выход из создавшегося положения, Сургуладзе предложил ввести для населения Степно-Баджейской республики дифференцированное самообложение. Это предложение утвердил Армейский Совет и затем вершино-рыбинский крестьянский съезд.

С. К. Сургуладзе был замечательным пропагандистом и хорошим администратором. До предела загруженный повседневной работой, Сергей Константинович находил время посетить госпиталь, позаботиться о более лучшем содержании и лечении раненых и больных партизан. Летом 1919 года, во время знаменитого саянского похода партизан в Урянхайский край, Сургуладзе всегда появлялся там, где складывалась самая трудная обстановка.

Когда партизаны вошли в Белоцарск, С. К. Сургуладзе вместе с А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкиным проявил себя не только как политический руководитель армии, но и как дипломат в переговорах с монгольским нойоном (наместником) в Туве Хатон-Батор-Ваном.

В Минусинские организаторские способности Сургуладзе проявились в активной деятельности по восстановлению и созданию Советов в уезде. Его кипучая энергия не знала предела. Несмотря на чрезвычайную занятость, он выступал в партизанских частях с политическими докладами и беседами. Наша партизанская армия, благодаря правильному руководству со стороны Армейского Совета, успешно одолела многие испытания и одержала замечательные победы в борьбе за Советскую власть.

С расформированием партизанской армии в январе 1920 года С. К. Сургуладзе переключается на работу в Минусинском уездном исполкоме в должности заведующего административным отделом, а потом назначается комиссаром продовольственного штаба. На этом участке он снова показал себя замечательным организатором и непримиримым борцом за укрепление Советской власти.

С получением указания ЦК РКП (б) о том, что всех большевиков-грузин необходимо направить для работы в Грузию, Сургуладзе в июне 1920 года оставил Минусинск и выехал на родину.

ЦК КП (б) Грузии поручил С. К. Сургуладзе провести ряд важных мероприятий по укреплению Советской власти в Тионетском уезде. Это задание партии он выполнил успешно. Делегаты тионетского уездного съезда избрали его председателем уисполкома, а на республиканском съезде — членом ЦИК Грузии.

Враги народа, банды меньшевиков, долго охотились за Сургуладзе, шантажировали, угрожали и даже обстреливали на путях следования. 10 июля 1923 года они устроили в лесу засаду и убили его.

Так погиб на боевом посту верный сын Коммунистической партии, солдат революции — Сергей Константинович Сургуладзе.

А. П. МЕТЕЛЬСКИЙ

БОРЬБА ЧОНОВЦЕВ И МИЛИЦИИ ПРОТИВ БАНДИТИЗМА

1. Очурский бой

Летом 1919 года на территорию Минусинского уезда вступила партизанская армия Кравченко—Щетинкина. Военное командование белых объявило нас, заключенных в минусинской тюрьме, заложниками и за каждого убитого партизанами белогвардейца обещало расстреливать двух политзаключенных. Этими угрозами оно хотело добиться всеобщего возмущения крестьянства действиями партизан. Однако большинство крестьян Минусинского уезда, как и всей Сибири, давно было на стороне партизан и активно им помогало.

После поражения в белоцарском и других боях крупного отряда атамана Бологова командование белых, убедившись, что скоро Минусинск будет освобожден партизанами, решило взорвать тюрьму, чтобы избавиться от живых свидетелей их зверства. Общественность, как видно, помешала осуществить этот подлый замысел.

В начале августа 1919 года мне, Грудинину и двум

хакасам случайно удалось вырваться из тюрьмы. Вскоре я встретился с односельчанами Семеном Рощубкиным, Евлампием Галактионовым и Максимом Метельским, сбежавшим из колчаковской армии, и уговорил их уйти в партизаны. В середине сентября, вооруженные тремя японскими винтовками и двумя английскими гранатами, мы отправились из села Бея на подсинский перевоз, чтобы попасть в Минусинск.

На другой день рано утром, выехав с Колягинских угольных копей, мы увидели несущихся к нам навстречу около 25 кавалеристов. Заметив на головных уборах красные ленточки и убедившись, что встретились с партизанами, по первому требованию сдали свое оружие. В деревне Подсинее командир Канского полка К. М. Логвинов зачислил нас к себе в полк и разрешил поехать в Минусинск.

Штаб партизанской армии предложил мне организовать летучий отряд и выступить с ним на левую сторону Енисея. По моей просьбе в отряд включили товарищей Рощубкина, Галактионова и Метельского. Кроме этих товарищей, вступили в отряд односельчане Федор Анипкин, Константин Золотухин, Гавриил Пилюгин, Демьян Золотых, Устин Зырянов, Владимир Янковский, Иван Есипов. Все они были участниками ноябрьского восстания крестьян в Минусинском уезде.

Во время подбора людей к нам обратился Абрисим Кобяков с просьбой зачислить его и пришедших с ним пять человек в организуемый отряд. А. В. Кобякова я знал лично как активного участника подавления сотниковского мятежа. Поэтому его просьбу удовлетворили, и, учитывая наличие кавалерийского опыта, назначили командиром конного взвода.

Итак, сформированный нами отряд контрразведки насчитывал в своих рядах более 100 человек. Перед уходом на задание у нас побывал Александр Диоимович Кравченко. Он провел беседу со всем составом, подчеркнул важность возлагаемой на нас боевой задачи.

По намеченному маршруту мы должны были двигаться через село Лугавское и прибыть в деревни Верхнюю и Нижнюю Кой, где находились партизанские отряды Лыткина и Смольского, с которыми поручалось нам взаимодействовать.

Переправившись через Енисей, отряд ночью занял

станцию Алтай. Утром, собрав сданное населением оружие, боеприпасы и получив полезные сведения, мы двинулись в Ново-Михайловку. Жители этого села встречали нас хлебом и солью, добровольно передали спрятанное от белых оружие и боеприпасы, а несколько человек вступило к нам в отряд. В Ново-Михайловке создали группу самообороны и посоветовали ей держать связь с нами.

Прибыли в село Очуры. В этом селе нам сообщили, что на правом берегу Енисея, в деревне Старые Очуры, имеется небольшой партизанский отряд. От староочурских партизан явился нарочный с предложением о встрече. На проведенном вскоре общем собрании единогласно решили соединить отряды в один и назвать его «Летучий отряд контрразведки». Руководство сводным отрядом оставили за мной.

Объединенный отряд приступил к тщательной разведке в Бейской волости, где действовали таштыпские, арбатские, монокские белоказаки и большое количество колчаковской милиции.

Белые решили расправиться с нами. Узнав об этом, штаб послал нам в Очуры подкрепление под командованием товарища Егорова из Тальского полка.

Рано утром 4-го октября белогвардейцы, чтобы отвлечь наше внимание от основного удара, открыли перестрелку в деревне Горево, куда был направлен взвод партизан во главе с А. В. Кобяковым. Потом вдруг из леса, прилегающему к очурскому кладбищу, ринулись в наступление конные белоказаки. Метким ружейным залпом мы отбили их атаку.

Вскоре разведка донесла, что к нашим позициям подходят белогвардейцы численностью около тысячи человек. Получив эти сведения, мы немедленно вывели отряд из села и расположились на более удобных позициях. Командование принял на себя Егоров.

Белые рассчитывали окружить и уничтожить нас в Очурах и все силы направляли туда, но, заметив наш маневр, двинулись к занимаемому нами полуострову. Теперь все позиционные преимущества находились на нашей стороне. Началась атака. Сотня казаков с желтыми лампасами на брюках, с офицером впереди, в пешем строю пошла на нас. Подпустив их метров на 100, пар-

тизаны залпами из винтовок и пулеметным огнем полностью уничтожили белоказаков.

Атаки противника продолжались с раннего утра до глубокой ночи, и всякий раз белогвардейцы отступали с большими потерями. Безрезультатным оказалось также их непрерывное прочесывание наших позиций пулеметным огнем. На второй день партизан Чихачев предложил достать с правой стороны Енисея лодки и организовать переправу отряда. Мы согласились с ним, так как боеприпасов для нового боя у нас уже не было. Первым рейсом отправили раненых, больных и пулеметчиков с поручением последним занять позицию на утесе «Бык» и оттуда прикрывать огнем переправу партизан.

Хвастовство белых о том, что они под Очурами не оставят в живых ни одного партизана, оказалось пустым. Наш отряд, благодаря находчивости и смелости партизана Чихачева, сумел вовремя выбраться из весьма трудного положения и сохранить свои силы.

2. Ликвидация банды Олиферова

Полковник Олиферов после разгрома колчаковцев в районе Красноярска организовал отряд из недобитых белогвардейцев и в конце 1920 года двинулся в Монголию. Он хотел соединиться там с белобандитами барона Унгерна.

У села Сон объединенные силы милиции и частей особого назначения (ЧОН) под командованием П. Г. Конопелько дали этой банде бой. Олиферов был убит, но отряд его продолжал путь в сторону села Бее.

Белые рассчитывали получить в Бее и других прилегающих к нему деревнях помощь из числа людей, враждебно настроенных к Советской власти. Однако надежды олиферовцев не оправдались.

В то время я был начальником милиции 9-го района. В нашем ведении находились Бейская, Ново-Михайловская, Иудинская, Абакано-заводская, Таштыпская и Усть-Есинская волости. В большей части этих волостей орудовали банды Чудогашева, Медведева, Базаркина, Майнагашева и других.

Частями особого назначения и милицией велась упорная борьба с бандитами. Иногда милиционеры при исполнении служебных обязанностей попадали в руки вра-

гов народной власти и подвергались зверским истязаниям. Бандиты Чудогашев и Мансырко выжгли на груди захваченного ими усть-есинского милиционера Чочиева звезду, а на спине вырезали из кожи ремни. Так же зверски замучил в улусе Печень Таштыпской волости бандит Барашков абазинского милиционера Питерцева.

Наш 9-й район милиции находился на территории расселенного казачества. Поэтому рядовой ее состав был увеличен и в большинстве своем укомплектован из бывших красных партизан. Руководящие строевые должности занимали коммунисты: С. В. Золотухин, Т. О. Ленков, У. Д. Зырянов, Ф. И. Данковцев.

Вечером 3 февраля 1921 года в холодную снежную бурю, к нам с обмороженным лицом явился хакас Николай Молжанов. Он сообщил, что час назад к нему захали верховые вооруженные люди в офицерских погонах и грубо требовали от него указать дорогу на село Бею. Молжанов, чувствуя недобрые замыслы, рискуя собой, отвлек бандитов, указав им дорогу в деревню Уты, а сам на верховой лошади прискакал в Бею.

Для проверки этих сведений и в целях разведки я немедленно командировал на место одного из лучших милиционеров Филиппа Ивановича Семыгина с двумя красноармейцами. Выехали они на паре хороших лошадей с ямщиком Е. А. Дорохиным. Одновременно мы привели в боевой порядок весь строевой состав милиции и через нарочного поставили в известность о происшедшем командира батальона ЧОН товарища Лыткина, находившегося в селе Табат.

Часа через три в милицию вернулся обмороженный, без шапки и верхней одежды один из разведчиков-красноармейцев. Он доложил, что его товарищи в деревне Уты попали в руки бандитов. Оказалось, что белые следуя дорогой, указанной Молжановым, порядочное время блуждали, и поэтому наши разведчики прибыли в деревню раньше их.

Рано утром 4 февраля, узнав, что деревня Уты занята бандой Олиферова в 200 человек, наш милицейский отряд пошел в наступление. Упорный бой продолжался в течение восьми часов. В самый его разгар к нам прибыло подкрепление ЧОН под командой товарищей Лыткина и Гусева. Олиферовцы из деревни Уты были выби-

ты и понесли значительные потери. Оставшиеся в живых бандиты разбежались, а мы их преследовали и вскоре полностью ликвидировали.

С нашей стороны в этом бою героически погибли т.т. Семьгин, Грудинин, Рязанов и Ильин. Позднее мы узнали, что разведчик Ф. И. Семьгин подвергался бесчеловечным пыткам.

3. Встреча с бандой Майнагашева в верховьях реки Аскиз

Командование партизанской армии дало мне распоряжение выехать в разведку в Аскизскую волость для установления местонахождения свирепствующей там банды Василия Майнагашева.

6 января 1920 года наш отряд в составе 25-ти партизан отправился в путь. Местность для нас была совершенно незнакома. Из имевшихся данных мы знали о зверствах бандитов, о расправах над людьми, попадавшими к ним в руки. Особенно славился жестокостью меткий стрелок из винтовки главарь банды Майнагашев.

В пути мы узнали, что в банде Майнагашева много хакасов. Весь состав банды насчитывает свыше 200 человек, и находится она в верховьях реки Аскиз, в труднодоступной гористой лесной местности. Жители улуса предупреждали нас, что с таким малочисленным отрядом опасно встречаться с бандой. Полагая, что эти разговоры рассчитаны на то, чтобы запугать нас и воспрепятствовать продвижению вперед, мы не отказались от своего плана. Заехали в улус, где жили Василий и Терентий Майнагашевы. Тут установили, что большинство жителей улуса покинуло родные очаги и находится в банде.

Держа свой путь по реке Аскиз, мы, наконец, добрались до глухих мест, и, как верно нас предупреждали, оказались в окружении бандитов. Создалось тяжелое положение. Оценив обстановку, мы заняли позицию для обороны. Решили защищаться до последнего патрона и живыми в руки бандитов не сдаваться. Одному из партизан Феоктисту Федоровичу Кузьмину поручили выехать в Минусинск и поставить в известность о случившемся руководство.

Когда мы приготовились к отражению нападения бандитов, с их стороны появился высокого роста человек без оружия, с поднятым сверху платком. Подойдя к нам, он громко спросил: «Кто из вас начальник отряда?»

Я отозвался. Тогда незнакомец подал мне письмо следующего содержания: «Начальнику отряда Метельскому. Ваш отряд окружен. Предлагаю лично Вам немедленно явиться в указанное подателем сего, Евграфом Майнагашевым, место для переговоров. В случае отказа отряд Ваш будет уничтожен. Майнагашев».

Учитывая серьезность создавшегося положения и не имея другого выхода, мы с Данковцевым Матвеем Ильичем отправились на переговоры. Евграф Майнагашев привез нас в большой улус.

В дом, где мы находились, одновременно вошли двое мужчин, совершенно не похожих друг на друга. Впоследствии мы узнали, что это были родные братья — атаман банды Василий и Терентий Майнагашевы. Терентий учтиво поздоровался, а Василий, не приветствуя, окинул нас острым взглядом и резким тоном стал задавать вопросы, с какой целью мы появились в этих местах.

Я сказал, что мы прибыли к ним по поручению Минусинского уездного Совета рабочих, крестьянских и партизанских депутатов с предложением добровольно сдать оружие и подчиниться органам Советской власти.

На это требование Василий Майнагашев ответил, что он не верит моим словам и для доказательства начал приводить факты о самочинных расправах над хакасами и захвате их имущества неким Шульгой. Действительно, Шульга — житель казачьей станицы Монок, будучи уполномоченным Чрезвычайной Комиссии, допускал злоупотребления, зачастую преследовал людей, совершенно не причастных к бандитизму. Естественно, незаконные действия Шульги и подобных ему лиц создавали озлобление со стороны некоторой части хакасского населения.

Выслушав главаря банды, я еще раз потребовал беспрекословного выполнения предложения Минусинского Совета. Братья Майнагашевы на хакасском языке вступили в спор. Судя по отдельным знакомым словам, мы поняли, что Терентий защищал нашу сторону, а Василий

упорно не соглашался и настаивал на расправе с нами. В результате этих пререканий перевес взял Терентий, и они нам объявили, что сегодня в улусе Евграфа Майнагашева созовут собрание всего руководящего состава и обсудят вопрос о сдаче оружия.

На собрании, кроме бандитов, присутствовало много хакасов, не имевших отношения к бандитизму. Василий Майнагашев на собрание не явился под предлогом болезни, а Терентий и Евграф принимали в нем активное участие, убеждая других вожakov сложить оружие и сдать боеприпасы.

В итоге долгих споров из 150 человек, числящихся у них под ружьем, вышло из банды незначительное количество. Они сдали всего 15 исправных винтовок, 5 револьверов системы «Наган», «Браунинг», 15 английских гранат и две тысячи патронов. Большинство же бандитов с оружием в руках ушло снова в тайгу.

Утром 8 января 1920 года по нашему предложению созвали общее собрание граждан Верх-Аскизского сельского общества, на котором договорились организовать сельский Совет, а Терентия Майнагашева направили с докладом об этом в Минусинск, в уездный Совет.

Итак, пойдя на переговоры с бандитами, мы сумели создать Совет в Верх-Аскизе, который после колчаковщины явился одним из первых Советов на территории Хакасии.

Позднее банду Майнагашева полностью разгромил батальон чонцовцев под командованием известного командира Аркадия Петровича Голикова (Гайдара).

4. Вооруженная борьба с контрреволюционной бандой Соловьева

В начале апреля 1921 года меня направили на службу в 3-й район милиции в село Новоселово. В этих местах активно действовала банда белых, возглавляемая казаком Соловьевым из станицы Форпост. Она совершала внезапные нападения на села и деревни, грабила кооперативы, совершала убийства и насилия. Бандиты частыми пиратскими налетами на пароходы, курсировавшие между Красноярском и Минусинском, нарушали нормальное движение речного транспорта.

Перед частями особого назначения и милицией была

поставлена задача покончить с этой бандой, оградить мирный труд советских людей от грабителей и убийц.

В то время в Новоселовской волостной милиции числилось 25 человек. Личная проверка показала, что большая часть сотрудников состояла из бывших отважных партизан, служивших в армии Кравченко-Щетинкина.

Учитывая малочисленность милиции, мы обратились за помощью к бывшим партизанам соседнего села Кома. Комовцы прислали 20 стойких, боевых товарищей. Многие из них имели оружие и боеприпасы. В этой важной борьбе особенно деятельное участие принимал бывший красный партизан Михаил Анашкин.

В конце мая 1921 года я с 15-ю милиционерами выехал в район на разведку. В группу входили Поляков Александр Варфоломеевич, Зайков Филипп Кузьмич, Золотухин Семен Васильевич, Метельский Вениамин Федотович и другие товарищи. Вблизи деревни Марьясово, у переправы через реку Чулым, мы увидели бандитов. Их было более 50 человек и все на верховых лошадях. Решили их уничтожить, когда они заедут на паром и отчалят от берега. Бандиты, заметив нас, не рискнули переезжать на нашу сторону и стали уходить. В результате завязавшейся перестрелки двое из них свалились с лошадей, остальные, моментально подобрав пострадавших, скрылись в неизвестном направлении.

Позднее наша разведка сообщила, что бандиты примерно в количестве ста человек под командой Соловьева хотят перебраться через р. Чулым и напасть на милицию. Мы немедленно снарядили отряд в составе 40 милиционеров и партизан и выступили им навстречу.

Ночью в полной тишине мы переправились через Чулым и возле деревни Камчатка сделали засаду. Бандиты, ничего не подозревая, двигались прямо на нас, ведя своих лошадей за поводья. Подпустив банду на расстояние сотни метров, мы открыли стрельбу, которая оказалась для нее полной неожиданностью и посеяла панику. По-видимому, быстро сориентировавшись и разгадав, что отряд милиционеров малочисленен, соловьевцы решили принять бой. Началась перестрелка.

В это время к месту боя прибыл большой отряд чонцовцев под командой известного большевика Лыткина. Это решило исход сражения. Спешно вскочив на лошадей, оставив 15 человек убитыми и 5 тяжело ране-

НА ТАЕЖНЫХ ТРОПАХ

ными, бандиты бежали. Из отряда ЧОН два человека оказались убитыми, трое легко ранеными. Среди милиционеров раненых было трое. В бою отличились чоновцы и милиционеры Филипп Зайков, Сергей Потехин, Сергей Бакуров, Аверьян Ваганов, Иннокентий Шестаков, Иван Попов, Феоктист Кожуховский и Михаил Анашкин.

И после этого бандиты не унимались, продолжали творить бесчинства. Так, в половине июля они в д. Светлолобово ограбили кооператив и большинство жителей, разгромили почтово-телеграфную контору, изнасиловали нескольких женщин, убили двух мужчин, оказавших им сопротивление.

В милицию прискакал нарочный и рассказал о гнусных делах бандитов. Пришлось срочно выезжать с отрядом на место преступления.

По пути в улус Каменные Ворота мы заметили двух верховых. Наши проводники одного из них признали по лошади. Это были те, кто грабил ночью деревню. В окруженном улусе мы обнаружили семь вооруженных бандитов, которые отказались сдаться, и были уничтожены.

За улусом, в стороне от дороги, мы встретились с отрядом ЧОН под командой Гусева, и, объединившись с ним, продолжили путь.

Через местных жителей узнали, что основные силы банды скрылись за станицей Форпост в труднодоступных местах. Гусев решил выслать по направлению к Форпосту разведку для выяснения местонахождения бандитов. Из милиционеров в разведке участвовали Иннокентий Похабов, Вениамин Неуймин и Илья Сергиенко.

Через сутки поступило сообщение о том, что в степи, около улуса Когунек, валяются два трупа. Милиционеры установили, что это были наши разведчики Иннокентий Похабов и Илья Сергиенко, обезображенные до неузнаваемости. О трагической гибели третьего разведчика, Вениамина Неуймина, мы узнали позднее, когда судили бандитов. На суде выяснилось, что главарь банды Соловьев сам лично изрубил Неуймина на куски, сложил их в мешок и бросил в реку Чулым.

Основные силы банды Соловьева были ликвидированы во второй половине 1922 года.

Вооруженная борьба за Советскую власть в Хакасии продолжалась и после окончания гражданской войны. Недобитые колчаковские офицеры Соловьев, Баринов, Чихачев и другие при поддержке кулаков и баев создали на территории Ширинского и Саралинского районов бандитские отряды и стали мешать строить новую жизнь.

Бандиты действовали мелкими группками по 15—20 человек. В начале 1922 года их насчитывалось в наших местах более 200 человек. Свои ряды они в какой-то мере пополняли за счет насильственно уведенных в тайгу молодых людей. Весной этого года, например, бандиты увели с собой Кичеева Ивана, Кокова Паку и Кокова Казана. Одному Казану удалось сбежать от них и вернуться домой.

Зимой бандиты уходили в тайгу, а с ранней весны до поздней осени блуждали по улусам и деревням, грабя мирное население и убивая советских активистов. Так, они убили Капчигашева Очылая, его сына и брата Егора, Котюшева Алексея, Кокова Аду и других. Для борьбы с бандитизмом в наши края послали части особого назначения (ЧОН), которые разместили в населенных пунктах Форпост и Ужур.

★ ★ ★

В 1922 году мне исполнилось 18 лет. Я жил в улусе Усть-Фыркал. Родителей моих несколько лет уже не было в живых, и я воспитывался то у мачехи, то у дяди. Летом 1922 года мы с двоюродным братом Иваном Кокковым и его сестрой, косили сено неподалеку от улуса. Неожиданно приблизились к нам вооруженные конники, ведущие за собой Николая и Ивана Кокковых. Мы не сомневались, что это бандиты. Они подъехали к нам, взяли у нас все, что можно быть отнять, а потом потребовали показать брод через речку.

Привели нас в Абдин улус и оставили в крайней избе под присмотром ее хозяина Никиты Абдина. Крепко его предупредили, а сами куда-то ушли.

Я знал, что с часу на час в наш улус должен прибыть отряд чоновцев. Когда Степан Абдин—сын хозяина при-

шел домой, я попросил его побыстрее обо всем сообщить красным. Степан немедленно убежал выполнять просьбу. Примерно через час примчались чоновцы, и мы разбежались кто куда. Бандитам удалось схватить Николая Кокова и увести его из улуса, но чоновцы в ту же ночь нагнали их и освободили Николая.

С этого дня мы, хакасы, поняли, что избавление от бандитов может ускорить только вооруженная борьба. Решили обратиться за помощью в штаб ЧОНа, расположенного в станице Форпост. Поехали туда Григорий Яковлевич Тачеев, Алексей Николаевич и Николай Афанасьевич Спирины. Они просили командование создать отряд по борьбе с бандитизмом из хакасов, хорошо знающих местность и уловки бандитов. Просьба была удовлетворена. Г. Я. Тачеев остался при штабе принимать желающих записаться в отряд, а Спирины поехали по улусам агитировать народ выступить против бандитов.

В тех условиях поднять народ на борьбу больших усилий не требовалось. Из нашего улуса в отряд вступили Алексей Кичеев, Яков Начинов, Роман Котюшев, Иван и Петр Абдины и я. Всего записалось более двухсот человек.

За короткое время бойцы научили нас владеть винтовкой. И, кажется, в октябре 1922 года наш отряд направили на рудник Улень, чтобы оттуда начать поиски зимней штаб-квартиры банды Соловьева. Командиром отряда назначили Кондратенко, а ротными—Овчинникова и Троицкого.

В ноябре мы пошли в первую разведку. В глубокой тайге, возле тасхыла Небесный зуб, близ стойбища Соловьева, ночью к нам явился бандит Чарочкин. Он сообщил, что среди них нет полного согласия: рядовые договорились между собой сдать без боя, но главари против этого.

Наутро наш отряд пошел на штурм штаб-квартиры Соловьева, расположенной на горе, вершина которой напоминала чашу. Бандиты открыли огонь первыми. Я находился в роте Троицкого. К всеобщему удивлению, он приказал нам всем вынуть патроны из стволов. Мы не растерялись и немедленно сообщили об этом командиру отряда Кондратенко, который отстранил Тро-

ицкого и командовать ротой приказал Николаю Спирину.

Бой был коротким, так как в штаб-квартире Соловьева бандитов оказалось мало. Здесь оставались только те, кому поручалось прикрыть отход основных сил, которые сумели вырваться и скрыться на лыжах в таежной глухомани. Взятых в плен бандита и арестованного Троицкого отправили в штаб.

Зимнее логово банды Соловьева представляло собой более 10 жилых домов и землянок. Вокруг были расположены продовольственные и промтоварные склады. Правда, перед бегством бандиты их подожгли, но часть из них мы спасли. Как сейчас помню, в одном из складов обнаружили более 150 конских туш, в жилых домах— 13 детских зыбок. Позже мы узнали трагическую историю, связанную с этими зыбками. Оказывается, в банде Соловьева находилось немало женщин, 13 из них имели грудных детей, которые при отступлении явились помехой. Тогда Соловьев приказал своему помощнику Кулакову избавиться от них. Последний велел матерям, оставив своих детей в стойбище, идти вперед, а сам вместе с другими извергами умертвил младенцев.

В декабре наш отряд вернулся на рудник Улень. Наступили морозы, и нас распустили по домам за теплой одеждой.

Через неделю мы снова собрались. Меня назначили командиром отделения. В составе взвода Ивана Семеновича Абдина мы выехали в Тулгучульский сельсовет ловить бандитов. Нам было известно, что у соловьевцев запасов продовольствия имелось очень мало. Поэтому считали, что рано или поздно голод начнет их выгонять из укрытий. Наш взвод стал подстергать их в подтаежных улусах. Вскоре наше предположение подтвердилось: бандиты гонимые голодом и холодом, группами и поодиночке стали появляться там, где мы их ждали. Многие из них сдавались без боя. Помнится такой случай: у горы Изых мы напали на след небольшого отряда бандитов, которым командовал помощник Кулакова Кондыр Михайлаков. Окружили их и предложили сдать. Они не рискнули оказывать сопротивление. После долгих споров между собой сложили оружие. Взятых в плен доставили в штаб. Сбежавший Кондыр Михайлаков скрывался еще около четырех

месяцев в пещере на горах Хосхулах. Когда у него кончились продукты, спустился в улус, где его пристрелили. Где-то в начале 1923 года уничтожили и Кулакова около станции Сон.

В январе—феврале 1923 года поиски Соловьева и Чихачева продолжались. Мы прибыли в улус Сарала и влились в отряд товарища Овчинникова. Здесь создали оперативную группу из 70 человек, в которую попал и я. Нас отправили в томскую тайгу для розыска бандитов.

На четвертые сутки в верховьях реки Усек мы обнаружили стан Баринова. Бандиты заметили нас и открыли огонь. В полчасовом бою Баринов был убит, а его люди разбежались. Ночевать мы остановились в стане бандитов. Наутро наша разведка установила, что Соловьев находился на другой, соседней горе. Во время перестрелки он со своими людьми вышел на помощь и, в пути следования узнав о смерти Баринова, не стал ввязываться в бой и вместе с другими беглецами скрылся в таежной глуши. Мы пошли за ними в погоню, но из-за сильного бурана потеряли след.

На обратном пути у нас кончились продукты, люди сильно утомились, выбились из сил. Многие бойцы вернулись домой больными.

Позднее мы еще несколько раз ходили в тайгу в разведку и каждый раз возвращались ни с чем. Потом стало известно, что соловьевцы спустились по нашим следам в район Саралы и скрываются в горах около улуса Подкамень.

Весной 1923 года остатки банды Соловьева и Чихачева объединились и в составе более 30 человек снова начали грабить и убивать. По доносу предателя бандиты замучили храброго командира нашего истребительного отряда Ивана Семеновича Абдина.

Я со своим взводом все лето 1923 года стоял на курорте «Озеро Шира». Отсюда мы выезжали на разведку до сел Батени и Новоселово. К осени этого года бандитов в наших краях осталось всего 15—16 человек.

Последнюю группу Соловьева и Чихачева ликвидировали весной 1924 года.

КРАТКАЯ ХРОНИКА СОБЫТИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В МИНУСИНСКОМ УЕЗДЕ

1918 год

- Конец мая — По линии Транссибирской магистрали вспыхнул мятеж чехословацкого корпуса, организованный Антантой.
- 1 — 4 июня — Проходил VI Минусинский уездный съезд Советов, на котором кулацкая его часть выступила против Советской власти. Съезд раскололся на две части: левую и правую.
- 2 июня — Минусинский Совет получил известие о захвате белочехами городов Мариинска и Канска.
- В ночь на 4 июня — Минусинский Совет избрал Военно-революционный штаб, на который была возложена вся полнота власти по борьбе с контрреволюцией.
- 4 июня — Военно-революционный штаб Минусинского Совета принял решение распустить VI-й съезд ввиду того, что на заседаниях правой его части велась контрреволюционная агитация, направленная на свержение Советской власти.
- 10 июня — Председатель Минусинского Совета и Военно-революционного штаба К. Е. Трегубенков разговаривал по прямому проводу с заместителем председателя губисполкома В. П. Демидовым. Последний просил скорее прислать в Красноярск на помощь отряд красногвардейцев с оружием.

- 16 июня — Минусинский Совет получил из Красноярска последнее сообщение, говорившее о начале боя.
- С 10 по 18 июня — Минусинский Совет отправил в Красноярск два отряда в составе 400 человек с полным боевым снаряжением.
- 17 — 18 июня — Делегаты VII-го крестьянского съезда Минусинского уезда стали съезжаться в пригородные села и деревни в сопровождении вооруженных отрядов из кулаков и казаков.
- 18 июня — Пала Советская власть в Красноярске.
- К 19 июня — г. Минусинск был окружен со всех сторон кулацко-казацкими отрядами.
- 21 июня — Открылся VII-й крестьянский съезд Минусинского уезда. Съезд поддержал контрреволюционное выступление кулачества и казачества.
- 22 — 23 июня — Вокруг г. Минусинска сконцентрировалось до 10 тысяч кулацко-казацких войск.
- 23 июня — Пала Советская власть в г. Минусинске.
- Середина июля — Минусинские большевики приступили к организации подпольных революционных организаций.
- Конец июля — В г. Минусинске создан первый большевистский подпольный комитет, и избрана руководящая тройка комитета.
- Начало сентября — Минусинский подпольный комитет приступил к подготовке во-

оруженного восстания рабочих и крестьян против колчаковского режима.

- Конец сентября — Организован Главный штаб повстанцев. Подпольная организация большевиков рекомендовала главкомом С. О. Кульчицкого, начальником штаба — В. И. Ощепкова.
- Ноябрь — В Степно-Баджейской волости Красноярского уезда возникло партизанское движение. Одним из отрядов командовал А. Д. Кравченко.
- 9 ноября — Начальник Минусинской милиции Зефилов спровоцировал в с. Дубенском преждевременное восстание крестьян.
- 11 ноября — Крестьяне сел Дубенского, Черемушки и Сагайского под командованием С. О. Кульчицкого захватили казачью станицу Карагуз.
- 21 ноября в 5 ч. утра — 10-тысячная армия повстанцев начала с трех сторон штурм г. Минусинска.
- 22 ноября — Повстанцы, потерпев поражение, отступили.
- Конец декабря — П. Е. Щетинкин, Е. Т. Марутко и В. А. Уланов в деревне Конторино образовали партизанский отряд. Командиром избрали Щетинкина, его помощником — Уланова, начальником административно-хозяйственной части — Марутко.

1919 год

- Конец февраля — В г. Минусинске создается второй большевистский подпольный комитет.
- 17 апреля — В Степном Баджее партизанский отряд П. Е. Щетинкина соединился с партизанами А. Д. Кравченко.
- С 15 июня по 18 июля — Партизанская армия Кравченко-Щетинкина совершила легендарный поход из Степного Баджее, через Минусинский уезд, до Белоцарска.
- 29 — 30 августа — В Белоцарске партизаны Кравченко-Щетинкина разбили крупный карательный отряд есаула Бологова.
- 3 сентября — В Белоцарске, на съезде повстанческой армии, после бурных споров между А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкиным по вопросу выбора маршрута дальнейшего пути решили двигаться на Минусинск.
- 13 сентября — Партизаны Кравченко-Щетинкина без боя вступили в г. Минусинск.
- 14 сентября — На Троицкой площади г. Минусинска состоялся митинг, где открытым голосованием избрали новую власть, которую назвали Временным самоуправлением.
- 25 — 29 сентября — В г. Минусинске проходил I чрезвычайный съезд рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, избравший Объединенный уездный Совет.
- 16 октября — В Минусинске совместно с представителями уездного и городского

Совета был созван VI-й Армейский съезд.

Ноябрь — декабрь — В Хакасии восстановлена Советская власть.

ПАРТИЗАНЫ ОСВОБОДИЛИ ОТ КОЛЧАКОВЦЕВ:

- 23 ноября — Поселок Абазу.
- 25 ноября — Село Усть-Абаканск.
- 26 ноября — Поселок Черногорские копи.
- 28 ноября — Село Аскиз.
- 7 декабря — Село Бородино.
- 10 декабря — Рудник Юлия.
- 12 декабря — Станцию Сон.
- 22 декабря — В районе деревни Трифоново Новоселовской волости партизаны разбили крупный отряд колчаковцев.

1920 год

- 4 января — Партизаны Кравченко-Щетинкина на линии Ужур—Медведское встретились с частями 5-ой Красной Армии.
- 8 января — Красноярск освобожден от колчаковцев.
- 21 — 22 января — Партизанская армия Кравченко-Щетинкина перестроена в 1-ю Енисейскую дивизию Красной Армии.
- 7 февраля — По приговору Иркутского военно-революционного комитета расстреляны Колчак и председатель его Совета Министров — Пепеляев.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Введение	3
Е. Л. Фаерман. Кулацко-эсеровский мятеж	18
И. Д. Кныш. Нас не сломили	34
Е. П. Чайковская-Гидлевская. О минусинских большевиках-подпольщиках	36
П. Г. Конопелько. О подпольной работе большевиков станции Сон	38
Е. С. Ольшевский. С оружием в руках	39
Ф. Е. Ананьев. Рабочие борются за свою власть	46
А. Е. Ковригин. За новую жизнь	50
И. К. Лабецкий. Боевой путь партизан армии Кравченко—Щетинкина	54
С. Г. Шагин. Артиллерия партизанской армии	73
В. Г. Солдатов. Минусинский уездный объединенный Совет в сентябре—декабре 1919 года	78
Ф. В. Гомонов. В рядах партизан	85
В. Д. Королев. Освобождение родного края	87
В. С. Юмашев. Комиссар партизанской армии С. К. Сургуладзе	92
А. П. Метельский. Борьба чиновцев и милиции против бандитизма	101
И. В. Коков. На таежных тропах	111
Краткая хроника событий гражданской войны в Минусинском уезде	115